

ТАОРАМ

Путь
проклятых



Дмитрий Евгеньевич Громов

Точка опоры (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158506

Аннотация

Иные планеты, далекое будущее, корабли, движимые силой мысли и силой любви. Артефакты внеземных цивилизаций, загадочные убийства на лунной станции – и пришельцы из Космоса, навстречу которым встает последний Воин Земли... Знакомая реальность трещит по швам, раздираемая когтями реликтового монстра; не в силах сдержать слез потерявший возлюбленную тигр-оборотень; и шепчет внутри головы, подсказывая единственно правильное решение, неведомый голос...

Содержание.

I. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

1. Ангел-хранитель
2. Ограничение
3. Уничтоженный рай
4. Воин
5. Скользкий поворот

II. РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

1. Оборотень
2. Точка опоры
3. Разорванный круг

III. КООРДИНАТЫ СМЕРТИ

1. Координаты смерти
2. Экзамен
3. Холод
4. Он не вернется
5. Эдем-2300

IV. СТУПЕНЬ

1. Монстр
2. Ничей дом
3. Восьмой круг подземки
4. Поединок
5. Ступень

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| О СЕБЕ, ЕЩЕ РАЗ О СЕБЕ | 5 |
| АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ | 11 |
| АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ | 11 |
| ОГРАНИЧЕНИЕ | 25 |
| УНИЧТОЖЕННЫЙ РАЙ | 29 |
| ВОИН | 48 |
| СКОЛЬЗКИЙ ПОВОРОТ | 63 |
| РАЗОРВАННЫЙ КРУГ | 74 |
| ОБОРОТЕНЬ | 74 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 92 |

ТОЧКА ОПОРЫ

(сборник фантастических рассказов)

Дмитрий ГРОМОВ

О СЕБЕ, ЕЩЕ РАЗ О СЕБЕ И СОВСЕМ НЕМНОГО – ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Привет, дорогой читатель! Обычно в авторских предисловиях такого рода принято писать о книге, которую ты, дорогой читатель, держишь сейчас в руках (щупальцах, клешнях, псевдоподиях, ложноножках; нужное подчеркнуть). Так вот, дорогой читатель, давай нарушим традицию! То есть, пару слов об этой книге я рано или поздно скажу, но – потом, и совсем чуть-чуть. Ладно? А пока давай-ка я представлюсь.

Легко и приятно говорить правду, одну правду и ничего, кроме правды, о себе, родном и любимом!

Родился я в Крыму, в городе Симферополе. Вскоре переехал с семьей в Севастополь, где моим любимым занятием стало откапывание в степи

за городом различных взрывоопасных предметов и использование их по назначению. То есть – как правило, подкладывание в костер. Повторять подобные опыты тебе, дорогой читатель, не советую. Поскольку остаться в итоге целым и невредимым мне удалось, похоже, чудом – иного объяснения не вижу. Меня счастливо миновали осколки минометных мин, разрывные и трассирующие пули, пороховые ракеты, фрагменты ртутных конденсаторов и снарядных капсулей... Под конец мы с приятелями противотанковой гранатой подорвали стоявший на отшибе деревенский сортир. К счастью, обошлось без жертв со стороны мирного населения поселка Грушевка.

После сего знаменательного события наша семья переехала в Харьков, подальше от Крыма.

В Харькове я продолжал трудиться на ниве подрывных работ: забрасывал в классы взрывпакеты и дымовые шашки, обстрелял школу ракетами с магниевыми боеголовками из самодельной установки с часовым механизмом и самолкивидатором (чтоб следы замести!). Сам я при этом находился в обстреливаемом кабинете – дабы иметь неоспоримое алиби. Ощущения, надо сказать, незабываемые! При помощи пузырька с жидким слезоточивым газом успешно сорвал контрольную по физике, а заодно и последующие пять уроков в этом кабинете. Естественно, "неуд" по поведению я имел стабильно, при том, что учился практически на "отлично".

В свободное от подвигов время я регулярно

практиковался в стрельбе из самопала и из рогатки. В последнем боевом искусстве достиг немалых успехов: навскидку с пятнадцати шагов отшибал горлышко у аптекарского пузырька.

Позже подросли новые увлечения: преферанс и рок-музыка. Помню: на "балке", где менялись и торговали импортным "винилом", – милицейская облава. А я как раз взахлеб торгуюсь с владельцем приглянувшегося мне альбома Rainbow: "Long Live Rock'n'Roll". За нами, с выпученными от усердия глазами, гонится, отчаянно свистя в свисток, толстый мент. Мы удираем. При этом у меня в руках диск, у хозяина диска – конверт, у моего приятеля – вставка и кулек от пластинки. И на бегу продолжаем торговаться: "Тут царапина! Сбрось пятерку – тогда возьму!"

И не спрашивай! Конечно, убежали. А цену я таки сбил, и альбом тот купил.

Потом был Политехнический институт, факультет технологии неорганических веществ. Преферансом я кормился в течение всей производственной практики на третьем курсе – хотя профессиональным игроком никогда себя не считал. На той же практике наблюдал уникальное зрелище: летающие крышки от канализационных люков. Какой-то умник на заводе (на сей раз – не я!) слил в канализацию почти полтонны отходов натрия и калия. Знатно рвануло, надо сказать! Как обошлось без жертв – ума не приложу. Но директорская "Волга" таки накрылась. Крышкой от люка.

Четвертый курс, стройотряд, Новый Уренгой, северная романтика: тучи безумных комаров-камикадзе, от которых спасали только "Беломор" и жуткая смесь из десятка разных репеллентов. Диплом, бессонные ночи за экспериментальной установкой, азартные споры с шефом, кубометры выкуренных папирос, декалитры выпитого чая, километры формул – интересно было до чертиков! Три авторских свидетельства на изобретения...

Работа по специальности, командировки в Бекдаш (разговор в кафе-забегаловке: "А вилка где?" – "Тут вылок нэт, тут Туркмэния!"). Знакомство с местными диск-жокеями и пиротехниками-любителями, совместная дискотека с фейерверком на День Молодежи, загоревшаяся крыша комментаторской будки на стадионе, которую тушили лимонадом... Летя в очередной раз в Бекдаш через Москву, купил за 45 еще советских рублей редкий диск Гленна Хьюза. В итоге, как ни экономил, за три дня до завершения командировки деньги кончились напрочь. Трое суток питался только водой из-под крана и сигаретами (благо, хоть они оставались!). Поначалу очень хотелось жрать, а на третий день уже и привык как-то...

Театральная студия "Пеликан". Подозреваю, что я единственный в мире человек, написавший самую настоящую пьесу для театра в стиле "космической оперы". С бластерами, звездолетами, инопланетянами и прочими атрибутами. Правда, в итоге пьесу мой будущий соавтор, он же режиссер "Пеликана" Олег

Ладыженский "зарубил" и к постановке не принял. Но в студии я остался, параллельно с игрой в спектаклях занимаясь еще и "пиротехническим обеспечением". Помню, в "Обыкновенном чуде" знатно симитировал пистолетный выстрел за сценой: ахнуло так, словно пальнули из хорошей мортиры. Ну, переборщил чуть-чуть, с кем не бывает!

Там же, в студии, познакомился со своей будущей женой Брониславой. И соблазнил ее... заняться каратэ, которым сам к тому времени занимался года три. Позже, после свадьбы, соседи нередко могли наблюдать захватывающее зрелище: муж и жена, оба в экзотических нарядах, которые с изрядной натяжкой можно было счесть кимоно, азартно метелят друг друга ногами посреди двора! Кто-то из приятелей пошутил: "У вас семейные разборки перешли уже на профессиональный уровень!"

Ах, да, чуть не забыл: я еще и писал фантастику. Буквально с первого класса. Время от времени. А с шестого – писал уже регулярно. Ну и читал, само собой. Андрей Валентинов в послесловии к этой книге поразительно точно сформулировал "слоган": "Рок и Фантастика – дорога в Рай!"

Ты будешь смеяться, дорогой читатель, но сегодня я – дебютант. "Путь проклятых" – моя первая "сольная" книга. И, как любой дебютант, я ужасно волнуюсь. Потому, наверное, немного сумбурен. Вот они, рассказы тех лет, когда фантастика была для нас Литературой Мечты – впрочем, как истинная

возлюбленная, таковой она остается и по сей день. Только у меня Мечта обычно выходила не полупрозрачной барышней в голубом платице. Моя Мечта чаще оказывалась еще с теми кулаками! Или с тигриными клыками. Или с бластером наперевес. (Кстати о тиграх: с детства мечтал стать оборотнем! Потому, наверное, и влазил всегда с удовольствием в чужие шкуры: на сцене, в спектаклях; на страницах своих рассказов и повестей: ведь каждый герой – это в какой-то степени я...)

Итак, дорогой читатель, приглашаю: небольшой заповедник научно-фантастических рассказов образца конца 80-х – начала 90-х. Хочешь поглядеть, какие "звери" здесь водятся?

Дмитрий Громов, август 2004 г.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Впервые я услышал этот голос неделю назад, когда торопился на работу и как раз собирался перебежать улицу на красный свет. И вдруг кто-то отчетливо и властно сказал: «Стой!» Я замер, в первую секунду решив, что меня остановил милиционер, которого я в спешке не заметил. В следующее мгновение из-за угла вылетел тяжелый «КРАЗ» и, обдав меня смрадом выхлопа, стремительно прогрохотал мимо. Оказывается, я был на волосок от смерти! У меня затряслись колени, и я обернулся в поисках своего спасителя, чтобы поблагодарить его. Однако рядом никого не оказалось. И кто же сказал «Стой»?

– А теперь иди, а то на работу опоздаешь, – сообщил тот же голос.

Действительно, впереди зажегся зеленый. Я был в недоумении, но все же внял дельному совету и, ускорив шаги, направился ко входу в институт.

Через десять минут я начисто забыл о странном происшествии – прибежал шеф, устроил разнос и пообещал лишить меня премии, если я завтра не выдам ему графики и расчет энергии активации. Конечно, можно было резон-

но возразить, что виноват тут совсем не я, а Сашка Кройдман, который вовремя не сделал анализа. Но Сашка, если разобраться, тоже не виноват, потому что у него накрылся масс-спектрометр, а наладчик, как всегда, куда-то пропал, и Сашка сам целый день сидел и ковырялся в подлом агрегате, вспоминая "незлым тихим словом" наладчика, изготовителей и наш отдел, давший ему заказ. Короче, я пошел к Сашке и объяснил ситуацию. Масс-спектрометр Сашка с грехом пополам починил. Вдвоем мы за четыре часа сделали все анализы, и я, облегченно вздохнув, пошел обедать.

В столовой, как всегда, голодной змеей извивалась очередь, но я все-таки достоялся, взял свой суп и котлеты с вермишелью и уселся за столик рядом с Федей Глазиным из соседней лаборатории. Федя уже поел и теперь с явным удовольствием пил лимонад. Я немедленно вознамерился и взять и себе бутылку, но тут тот же голос, что и утром, произнес:

– Не бери.

– Почему?

Видимо, я сказал это вслух, потому что Федя с интересом уставился на меня и поинтересовался:

– Что – "почему"?

– Ничего. Это я о своем.

– А-а... – протянул Федя и пошел относить посуду.

Лимонад я брать не стал и в недоумении принялся за суп. Я даже не заметил, какого он был вкуса, да и котлеты тоже, и

очнулся только за рабочим столом, узрев перед глазами результаты анализов.

За три часа я составил график, рассчитал энергию активации и отнес шефу результаты своей бурной деятельности. Наконец-то появилось время поразмыслить. Что это был за голос? Почему я раньше никогда его не слышал? Галлюцинации? На работе перегрелся? Шарики за ролики заехали? Ничего дельного на ум не приходило. В голове булькала неудобоваримая каша, из которой лишь периодически всплывали анекдоты про внутренний голос. Но что же это все-таки было?

– Я – твой Ангел-Хранитель.

Теперь я точно разобрал, что голос идет не снаружи, а изнутри. И это не голос даже, а мои мысли. Только мои ли?

– Нет, не твои.

– Понятно. И откуда же ты, Ангел-Хранитель, взялся?

Голос молчал.

– И что тебе от меня надо?

– Ничего. Я буду помогать тебе.

– Ну, спасибо. Да, ты ведь мне сегодня жизнь спас! Но кто ты? Откуда?

Голос молчал.

– Ну ладно. Не хочешь говорить – не надо. Все равно, спасибо тебе. Кстати...

Я выскочил в коридор и распахнул дверь соседней лаборатории.

– Федя есть?

– Нет. Отпросился. Живот у него схватило.

* * *

Итак, во мне поселился Внутренний Голос. Или, как он сам себя называл, Ангел-Хранитель. Отныне он вовремя предупреждал меня о малейшей опасности – не только угрожавшей жизни или здоровью, но даже грозившей просто испортить мне настроение.

Теперь меня не окатывали грязью машины, в столовой я безошибочно выбирал наименее несъедобные блюда, а когда появлялся шеф, чтобы дать мне очередное задание, оно уже было выполнено. Что и говорить: такая жизнь пришлась мне по вкусу! Коллеги, даже те, кто постарше, начали относиться ко мне с уважением; а Юра Тимохин, который, кроме Ломоносова и Менделеева, никаких авторитетов не признавал, однажды тихонько подошел ко мне и попросил помочь разобраться с особо заковыристой кривой десорбции. Вместе мы за час "добили"-таки строптивую кривую, и когда Юра ушел, я понял, что удостоился чести встать в один ряд с двумя великими умами прошлого. Ну и, естественно, с самим Юрием Тимохиным.

Поначалу Ангел-Хранитель вмешивался в мою жизнь лишь в наиболее критических ситуациях, однако постепенно он стал проявлять все большую инициативу. Но все его со-

веты были действительно дельными, и я ничего не имел против. Я хорошо помнил прогрохотавший мимо меня "КРАЗ".

В пятницу рабочий день у нас заканчивается на четверть часа раньше, и уже в четыре я начал поглядывать на часы: на сегодня у меня было назначено свидание с Людой. Я искренне надеялся, что сейчас и она с нетерпением смотрит на циферблат.

– Не ходи.

Сначала, поглощенный сладостными грезами, я даже не понял, кто это сказал. Только через несколько секунд до меня дошло, что вновь проснулся мой Ангел-Хранитель.

– Почему?

Он молчал.

– Я все равно пойду.

– Не ходи.

Спорить или задавать вопросы было бесполезно, он просто не отвечал. Но на сей раз я не собирался его слушаться. В конце концов, кто здесь главный – он или я?! Пусть советует, пусть предупреждает, но решать-то я все равно буду по-своему!

"А вдруг там что-то должно случиться?! – мысль ударила меня изнутри, едва не подбросив со стула. – Ведь тогда опасность может грозить и ей!"

– Это опасно?

Он не отзывался.

Надо идти. Обязательно.

– Не ходи.

– Заладил: "Не ходи, не ходи"! Надоел! Все равно пойду!

– Не ходи.

Как испорченная пластинка. До звонка оставалось семь минут. Я поспешно сложил бумаги, защелкнул "дипломат" и выскочил за дверь, чтобы со звонком пересечь проходную. Голос молчал – значит, шефа я по дороге не встречу. Или он на меня обиделся? Ну и черт с ним! Может, там сейчас произойдет авария, или взрыв газа, или еще что-то – я должен успеть увести ее оттуда! Я уже почти бежал.

На часах было 16:40, но я пронесся через проходную так, что даже вахтер понял – надо.

Встречались мы неподалеку, в скверике, под фонарным столбом. Я шел быстро, по дороге соображая, какая в этом месте ей может грозить опасность. Может рухнуть фонарный столб. Или провалиться асфальт – скажем, прорвало водопровод, подмыло грунт, образовалась пустота... нет, ерунда все это! Хулиганы пристанут? Место людное, светло еще... Что же тогда, что?! Хоть бы подсказал, тоже, Ангел-Хранитель называется!

Но он молчал.

Когда я дошел, почти добежал до скверика, на часах было 16:51. Еще девять минут в запасе. А вон и Люда. Что-то она рано сегодня – обычно мне ее ждать приходится. И ведь под самым столбом стоит. Надо увести ее отсюда, пока... Стоп! А если ЭТО должно случиться не здесь? И почему с ней?

Может, со мной? Наверняка со мной! А если она будет рядом... Эх, не надо было сюда идти! Зачем я его не послушался?! Лучше, пока не поздно, свернуть в боковую аллею...

Нет, поздно – Люда меня заметила. Тогда поговорить пять минут, сослаться на дела и уйти – авось, обойдется. Но сначала все же увести ее от столба. Стоит здесь не неизвестно, сколько лет; наверное, ржавый внутри весь – того и гляди завалится.

– Привет. Давно ждешь?

– Нет. Что-то ты рано сегодня. И запыхался. Случилось что-то?

– Нет, ничего. Просто я к тебе спешил.

– А-а...

Что-то не понравилось мне в этом ее "а-а..."

– Ну что, пошли куда-нибудь?

– Подожди, я тебе хотела сказать...

– Сейчас скажешь, только давай отойдем.

– Куда? Я и здесь могу сказать. Так вот...

– Нет, давай все-таки отойдем.

– Ты что это сегодня? Я хотела тебе сказать – ты извини, конечно – но я больше с тобой встречаться не смогу.

– Почему?! – мир вокруг разом дал трещину, и я отчаянно цеплялся за ее края, тщетно пытаюсь свести их вместе.

– Ну... Ну не могу, и все... В общем, прощай. Извини... Я стоял и глядел ей вслед.

Так вот что имел в виду мой Ангел-Хранитель!

– Да, именно это.

Я повернулся и медленно побрел по аллее в противоположную сторону. Он, как всегда, оказался прав. Не надо было идти. Но... но ведь если не сейчас – она сказала бы мне то же самое потом, по телефону. Что бы изменилось? Он мог только оттянуть неприятный момент, но не предотвратить его... Да, а я-то думал – что-то должно случиться, бежал, хотел ее спасти... Вот и случилось. Только совсем не то...

На душе было тоскливо. Я полез в карман за сигаретами.

– Это вредно. Выбрось.

– Да иди ты... Сам знаю, что вредно. Мой организм, хочу – травлю.

– Не твой, а наш.

– Что-о?!

Он не ответил.

Значит, он считает себя равноправным хозяином моего тела?!

– Я хочу, чтобы твое тело сохранило здоровье и прожило как можно дольше. Все, что я советовал, всегда шло тебе на пользу.

– Ну и что? Хоть в мелочах ты можешь мне уступить?

– Это не мелочь.

– Надоел!

Я чиркнул спичкой и закурил. Первая затяжка, как всегда, доставила удовольствие, следующие три – тоже, но меньше, и дальше я курил уже по инерции, чтобы успокоиться.

– Осторожно!

Я резко остановился. Под ногами зиял открытый водопроводный люк. Безобразие! И даже крышки рядом нет.

Я обошел люк и двинулся дальше. Странное дело, но я уже не испытывал благодарности к своему Ангелу-Хранителю. Вот он сейчас опять, наверное, спас меня от травмы, а я не чувствовал ничего, кроме раздражения.

Позади раздался сдавленный крик. Я обернулся, но вначале ничего особенного не увидел, и уже собирался идти дальше. Но тут заметил, что возле открытого люка на асфальте лежит портфель. Кто-то туда свалился! Сначала я невольно усмехнулся, но тут же подумал, что, может, надо помочь человеку, и повернул обратно.

В полутемном колодце, на большом вентиле с маховиком, похожим на штурвал, сидел мужчина средних лет, в измазанном и помятом плаще, и осторожно придерживал левой рукой правую.

– Давайте руку, я вам помогу.

– Я, кажется, сломал руку.

– У вас вторая есть. Не будете же вы там сидеть! Залезайте на вентиль и хватайтесь.

Мужчина послушался совета, вскарабкался на вентиль и протянул мне руку. Запястье у него было грязным и скользким, я вцепился в него обеими руками, ободрал пальцы о металлический браслет часов – но в итоге, с грехом пополам, вытащил пострадавшего из люка.

– Большое вам спасибо! Не знаю, что бы я без вас делал.

– Ерунда. А руку вы действительно сломали?

– Кажется, да.

– До больницы дойдете?

– Дойду, дойду. Не нога ведь, – он улыбнулся и тут же сморщился от боли.

– Спасибо вам еще раз. Не беспокойтесь, я дойду, – он поднял здоровой рукой лежавший у люка портфель и, прижимая больную к груди, прихрамывая, заковылял прочь.

Я проводил его взглядом, взял свой "дипломат" и медленно пошел по направлению к дому. Спешить было некуда. Люда на свидание больше не придет. Никогда...

И тут меня прошибла – да, именно прошибла мысль.

– Слушай, а ты знал, что этот человек упадет в люк?

– Знал.

– Так почему не сказал? Я бы его предупредил.

– Я ведь твой Ангел-Хранитель, а не его.

– Значит, что творится с другими, тебе все равно? Если начнется землетрясение, ты будешь говорить, куда мне стать, чтобы уцелеть, а другие будут гибнуть?

– Естественно.

Конечно, я в определенной степени эгоист, и, случись то же землетрясение, в первую очередь буду спасаться сам, но – знать и не предупредить?! Такого типа внутри себя я не потерплю! Будь он хоть трижды Ангел-Хранитель!

– Слушай, тебе придется или думать о других, или уйти.

– Я не могу думать обо всех.

– Ну, хотя бы о тех, кто рядом.

– Все равно.

– И если за углом будут убивать человека, ты мне не скажешь?

– Нет. Ты пойдешь его выручать и можешь сам погибнуть.

– Все. Я тебя раскусил! Ты даже не меня – ты себя спасаешь! И откуда ты взялся? Я тебя не звал. Уходи.

– Не уйду.

– Я не буду тебя слушаться.

– Я заставлю тебя слушаться.

– Посмотрим.

– Посмотрим. Я стараюсь ради твоего же блага.

– Да пошел ты...

Я полез в карман за сигаретами.

– Брось!

– Не брошу!

Ага, он табачного дыма не любит, сейчас он у меня получит!

Я вставил в зубы сигарету и достал спички. И вдруг ощутил, что рука не желает открывать коробок. словно кто-то мягко, но крепко перехватил мою кисть. Он начал действовать!

Я напрягся и медленно, с усилием открыл коробок. Несколько секунд пришлось бороться за вторую руку, которая не хотела доставать спичку – словно от этого зависела моя

жизнь. Достал. Но в этот момент губы сами выплюнули сигарету. И тут же руки стали действовать свободно. Мне показалось, что он смеется.

– Ну, это уж слишком!

Он молчал.

Я достал другую сигарету, крепко зажал ее зубами и снова попытался прикурить. Наконец мне это удалось. Я с облегчением затянулся. Все-таки я его победил! Но тут мне стало страшно. *Сегодня* я победил. А завтра, через месяц, через год? Похоже, он постепенно набирает силу. Сейчас я уже с трудом с ним справляюсь. А завтра он может победить. И что тогда? Я превращусь в марионетку, которая будет двигаться, говорить, действовать по его воле.

– Не думай глупостей. Я только поправляю тебя, когда ты ошибаешься. А от курения я тебя все равно отучу.

Я почувствовал, что меня начинает тошнить, и поспешно сам выбросил сигарету. Тошнота мгновенно прошла.

Значит, он и это может! Это конец.

– Ничего, привыкнешь.

А ведь самое страшное, что он прав. Привыкну. Привыкну быть не самим собой, делать не то, что хочу, а то, что "надо", и буду делать это уже сам, по привычке. Я стану таким, как он. Только без дара предвидения.

– Стой!

Я не остановился.

– Стой!!

Ноги теперь двигались с трудом, словно я шел по пояс в воде, но я упрямо продолжал их переставлять, не обращая внимания, что иду по проезжей части.

– Стой!!!

Из-за угла вылетели синие "Жигули". Кажется, я еще мог увернуться, но не сделал этого. Раздался визг тормозов. "Ну вот и все," – почти с облегчением подумал я. В следующее мгновение передо мной мелькнуло что-то сине-блестящее, металлическое, меня отшвырнуло к тротуару, и все померкло.

* * *

Звуки наплывали постепенно, по мере того, как я возвращался из небытия. Шарканье ног по полу, звяканье инструментов, приглушенные голоса. Голоса. А мой Голос? Я прислушался к себе. Вроде, ничего.

– Эй, ты еще здесь?

Тишина. И я почувствовал, что его нет. Совсем. Сбежал, как крыса с тонущего корабля. Все. Свободен!

Мгновением позже я ощутил боль. Болела левая нога и бок. И голова тоже. Я открыл глаза. Надо мной стояла Люда. Лицо у нее было очень испуганное, и на щеках виднелись дорожки от потекшей туши.

И я нашел в себе силы улыбнуться.

– У тебя вся тушь потекла, – выговорил я.

1987 г.

ОГРАНИЧЕНИЕ

Воздух над космодромом задрожал, изображение на экране исказилось, расплылось и тут же приняло первоначальный вид. Только сверкающий шар М-космолета исчез.

– Седьмой, – констатировал Джордж, отходя от экрана.

Они помолчали.

– Если через неделю ни один из М-кораблей не вернется, я попробую сам.

– Зачем? Да тебе и не позволят – Родригес и так еле выбил разрешение на седьмой пуск.

– Мне разрешат. Я полечу с ограничителями.

– Ты по-прежнему считаешь, что это шутки подсознания?

– Да. В корабле космонавт надежно защищен от всего. От всего, кроме... самого себя.

...В самом начале двадцать пятого века был изобретен М-корабль, движимый посредством человеческой мысли. Такой звездолет мог мгновенно доставить астронавтов в любую точку Вселенной. Казалось, проблема космических путешествий решена раз и навсегда.

На первом М-корабле стартовал его изобретатель Тадеуш Качинский с экипажем из пяти человек. Они должны были вернуться через три месяца. И не вернулись. За это время стартовало еще три М-корабля. И тоже не вернулись.

Всемирный Совет хотел прекратить попытки, но под нажимом Ассоциации Космических Исследований дал разрешение еще на два старта. Эти звездолеты отправились на поиски первых четырех. С тех пор прошло почти полгода.

Вот тут-то и появился Джордж Спелл со своей теорией...

– ...Вам никогда не хотелось прыгнуть с обрыва? – неожиданно спросил Джордж, поворачиваясь к Степану.

– С какого обрыва? – растерялся Солонцов.

– Ну, вот вы стоите на краю обрыва, смотрите вниз, вам страшно, сердце звамирает в груди – и в то же время что-то тянет вас туда. Вы знаете: там – смерть, и все же вам хочется прыгнуть, хоть на миг почувствовать себя птицей...

– ...Да, Джордж, это ощущение мне знакомо. Со мной случилось подобное.

– Это бывает почти со всеми – прорывается подсознание. Обычно сознание легко подавляет такие порывы. Но генераторы М-кораблей, видимо, имели чуть сбитую настройку. И подсознание прорвалось наружу. Теперь никому неизвестно, куда их могло занести – в сердце нейтронной звезды, в фотосферу голубого гиганта, в антимир, в параллельное измерение – куда угодно. Боюсь, этого мы никогда не узнаем. Пожалуй, виновата даже не настройка, а отсутствие ограничителей. Это же вседозволенность, понимаете? Необузданная фантазия вполне способна забросить корабль туда, откуда нет возврата.

– Вы считаете, что у всех капитанов была подсознательная

тяга к смерти?

– Не обязательно, хотя и вполне возможно. Но есть еще множество других патологий, фобий, комплексов, подспудных желаний, о которых мы сами не подозреваем.

– Но ведь все они прошли тщательный психический осмотр. Все абсолютно здоровы.

– На уровне сознания. А в подсознании почти каждый человек немного безумец. Кроме того, я собрал данные обо всех капитанах. Все они, и изобретатель М-генератора профессор Качинский в особенности – очень увлекающиеся, импульсивные люди, с буйной фантазией. Что лишний раз подтверждает мою теорию. Надо было посылать людей спокойных и рассудительных, да и то... В общем, я разработал ограничитель, который защитит генератор от воздействий подсознания.

– Защита от фантазии?

– Нет, от безумия.

...Они сидели в двух соседних креслах. Перед ними полукругом изгибался пульт управления. До старта оставалось несколько минут. На сей раз они полетят вдвоем – Спелл и Солонцов. На восьмом М-корабле были установлены ограничители Спелла. Джордж не сомневался в успехе. Он начал пристраивать на голове шлем с М-датчиками. Для начала совсем недалеко – к Альфе Центавра и обратно.

В этот момент включилось устройство связи с Космоцен-

тром.

– Внимание! В стратосфере появился корабль "Мысль" профессора Качинского. С борта передают, что все живы и чувствуют себя нормально. Отбой трехминутной готовности. Повторяю...

– Ну вот, они возвращаются, – Степан улыбнулся и начал отстегиваться.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Спелл. – Как им удалось вернуться?

– Сейчас узнаем. Идемте, встретим их.

– Нет, вы идите, а я тут подожду.

Степан пожал плечами и направился к выходу из корабля.

– Вы все еще здесь, Джордж? Тогда слушайте. Вы отчасти оказались правы. Их забросило черт знает куда, в другую галактику; потом – еще дальше; швыряло по всей Вселенной. Они такого насмотрелись – да, впрочем, об этом потом. А сегодня вдруг разом оказались здесь. И я знаю, почему: ваше любимое подсознание! Только не то, что вы имели в виду – тяга к дому вернула их обратно. Она оказалась сильнее всех ваших комплексов.

Э-э, да вы никак стартовать пытаетесь? И не надейтесь! А если и вправду хотите взлететь – выключите сначала свои ограничители.

Хотя, боюсь, и это не поможет.

Вам ведь никогда не хотелось прыгнуть с обрыва.

1988 г.

УНИЧТОЖЕННЫЙ РАЙ

1

...Далеко, на краю Галактики, есть планета Серал. Два солнца освещают ее – зеленое и голубое, и там стоит вечный день. На этой планете есть место, называемое Абсолютным Исполнителем. Всякий, кто достигнет сего места, может исполнить одно свое желание. Мы нашли эту планету. Но так и не смогли добраться до Абсолютного Исполнителя. Наша цивилизация угасает, и мы обращаемся к вам, Братья по Разуму: пройдите этот путь до конца! Ибо нет во Вселенной ничего, что недостижимо для Разума. Рано или поздно кто-нибудь достигнет этого места, и тогда...

2

...Сергей надавил кнопку звонка. За дверью отозвался мелодичный перезвон. Прошло с полминуты. В глазке мелькнула тень, щелкнул замок, и дверь отворилась.

– Привет, Стас.

– Привет.

– Знакомься, это Николай. Я тебе о нем рассказывал.

– Стас.

– Очень приятно.

Рука у Стаса была мягкая, аморфная.

– Заходите, все уже в сборе.

В комнате царил полумрак. Негромко играла музыка. На экране извивался накрашенный певец. Николай поморщился – опять эти "Блю Систем"!

На диване в картинных позах полулежали две девицы в почти прозрачных платьях. Высокий худой парень разливал по бокалам коньяк, смешивая его с шампанским. На столе дымилась пепельница, возле нее валялась начатая пачка "Честерфильда". Николай поздоровался и уселся в свободное кресло. Длинный подошел к нему с бокалом.

– Володя.

– Коля.

– Пить будешь?

– Давай. Спасибо.

Он сделал глоток. Сергей и Стас куда-то исчезли – видимо, у них были свои дела. Одна из девиц, отложив иностранный журнал с кинозвездой на обложке, подошла и уселась к нему на колени.

– Тебя как зовут?

– Коля.

– А меня Алиса.

– Красивое имя.

– Очень. Ты у Стаса в первый раз?

– Да, нас Сергей познакомил.

– Ну, теперь ты будешь сюда часто наведываться. Если, конечно, понравишься Стасу. Как тебе музыка?

– Я "Блю Систем" не люблю.

– А я от них просто балдею. А что ты любишь? – она отпила из его бокала.

– Хард и симфо.

– Нет, этого я не понимаю. А чем занимаешься?

Николаю уже надоела эта любопытная Алиса; кроме того, она отдала ему ногу, но он мужественно терпел.

– Работаю. Инженером-химиком.

– И сколько получаешь?

Николай ответил честно.

– Ну, ты, наверное, еще кое-что имеешь? – понимающе улыбнулась Алиса.

– Нет, живу на одну зарплату, – с удовольствием отпарировал Николай.

– Но разве на это можно жить?

– Но живу же как-то. И другие тоже.

Алиса повернулась к своей подруге.

– Слышь, Аня, вот человек живет на одну зарплату. И "Блю Систем" не любит. Правда, оригинал?

– Напрасно, – обернулся Володя. – Красивая, легкая музыка, ни на что не претендующая, под нее хорошо отдыхать.

– Резина это, а не музыка. Жвачка.

Алиса взглянула на Николая с любопытством, как на му-

зейный экспонат, не спеша встала и вернулась на диван. Николай вздохнул с облегчением, сделав глоток из бокала, дотянулся до пачки сигарет. Прикурил и продолжил:

– И сам этот тип, Дитер Болин, не музыкант, а чучело раскрашенное. С голубым отливом. А музыку за него компьютер пишет. У вас что-нибудь другое есть?

Никто не ответил. Николай почувствовал, что высказался слишком резко, но теперь было поздно сожалеть. Да он и не сожалел. Он подошел к столику и начал перебирать кассеты. "Блю Систем", еще один "Блю Систем", "Модерн Токинг", "Джой" – все одно и то же, – "Бэд Бойз Блю", Си Си Кетч... Одна жвачка. Ага, вот "АС/DC" – наверное, случайно сюда попал. Правда, тоже не лучшая музыка, но по сравнению с остальным – это вообще шедевр.

Николай извлек из аппарата кассету, вставил другую и с удовлетворением нажал кнопку.

Из колонок на комнату обрушился ураганный рев бас-гитары, грохот ударных и надрывные вопли вокалиста. На экране на дымящейся сцене орала, рычала, вопила, грохотала и сходила с ума пятерка музыкантов. Эта музыка вызывала хоть какие-то эмоции. Пусть звериные, но все же...

– Выключи сейчас же! – Алису почти не было слышно из-за грохота "металла".

Секунду помедлив, он все же с неохотой выключил аппарат. Алиса лениво поднялась с дивана и, даже не посмотрев на Николая, поставила на место кассету с "Блю Систем".

Николай снова уселся в кресло. Володя мельком взглянул на него и тут же отвел глаза. Так смотрят на неизлечимо больных или сумасшедших. Алиса с Аней вяло переговаривались.

– Ты те кроссовки взяла?

– Нет, Надька увела. А хорошие были, и всего за семьдесят баксов. Ничего, мне Стас другие достанет.

– Опять Стас? А как же твой Федя?

– А, надоел он мне. Пока что-нибудь купит – полгода пройдет. Я его Любке спланила. Пусть она теперь крутится.

– А ты знаешь, вчера у Джона в заачке куртки были. Японские...

Николай встал и подошел к Володе, который продолжал методично смешивать коктейли.

– И у вас тут все время так? – осведомился он.

– Как – так?

– Ну, одна и та же резиновая музыка, разговоры о шмотках? Скука.

– А тебе чего еще надо? – вяло удивился Володя. Но тут же взгляд его стал многозначительно-понимающим.

– Рано еще. Только пришел – и сразу. Подожди часа два, тогда и начинай. Нетерпеливый. Как в первый раз.

Николай не сразу догадался, куда он клонит, но тут до него дошло.

– Да я не об этом, – досадливо поморщился он, – Сергей мне говорил, тут у вас интересно, хорошая компания. Есть с

кем поговорить, отдохнуть. А тут, я вижу... – у него чуть не сорвалось с языка "гадюшник", но он вовремя сдержался.

Володе явно не хотелось разговаривать. Кажется, он принял еще что-то, кроме вина.

– Ладно, – доверительно сказал он. – Хочешь расслабиться – на, – он сунул в ладонь Николаю что-то круглое. И отвернулся. Николай разжал кулак. На ладони лежала маленькая белая таблетка.

В этот момент в комнату вошел Сергей. Николай поманил его в прихожую.

– Ты куда меня привел?! Это же болото! Самое настоящее!

– Да ты что?! Ненапряжная музыка, приятная компания, коньяк, хорошие сигареты, девочки – чего тебе еще надо? Не нравится "Блю Систем" – так я сейчас сменю кассету.

– Нет, с меня хватит! Ты как хочешь, а я пошел. И больше я сюда не приду. У меня не так много свободного времени, чтобы вот так его убивать.

С минуту он возился с замками. Сергей молча наблюдал. Наконец, дверь распахнулась, Николай выскочил на лестницу, с силой хлопнул дверью и, не воспользовавшись лифтом, стал бегом спускаться по ступенькам. Заметив, что все еще держит в руке таблетку, со злостью швырнул ее в пролет. "Только "колес" мне не хватало!"

"Болото! – думал он. – Засосет – и все. Будешь вечно дремать в этом сонном царстве. Приглушенные краски, приглу-

шенные звуки, приглушенные голоса, приглушенные чувства – все мягкое, без острых углов, без контрастов – нет, это не для меня! И зачем я вообще сюда пришел? Я им чужой. И они мне – тоже. Сейчас бы подраться с кем-нибудь, или что-нибудь такое учинить – выбить из себя их сладкую вату!"

– В этом я могу вам помочь.

Перед ним стоял человек. Он был повыше Николая, в темном плаще и шляпе. Лица под шляпой не разглядеть.

– В чем?

– Вы хотели чего-нибудь необычного, встряски, стресса?

– Да, но...

– Я читаю мысли. Мы можем предложить вам нечто такое, о чем вы и не мечтали. Вы попадете в будущее. А потом – на другую планету. Там будет опасно, очень опасно, но я уверен – вы справитесь. Так как, согласны?

– Не знаю, может, вы меня разыгрываете, но... все равно, я согласен!

– Тогда следуйте за мной.

И они вместе шагнули в ветренную темноту осеннего вечера.

3

Длинное прямое шоссе уходило к горизонту. Его проложили миллионы лет назад, но оно по-прежнему сияло первозданной чистотой. Ни пылинки, ни камешка, ни единой

трещины не было на идеально ровном золотистом покрытии, мягко пружинившем под ногами.

Николай шел уже третий час. Справа и слева от шоссе простирались непроходимые топи, заросли колючих кустов, переплетенных лианами; там тучами вилась мошकारа, что-то рычало, пищало, чавкало, квакало. Пройти там было невозможно – ни пешком, ни на вездеходе. Все попытки заканчивались либо гибелью смельчаков, либо поспешным отступлением. К Абсолютному Исполнителю вел лишь один путь – шоссе, по которому шел Николай. Оно словно было огорожено невидимой стеной – ни зверь, ни птица, ни мошकारа, ни даже пыль не могли через нее пробиться. Человек мог. Но там, за стеной, его ждала смерть.

Идти по шоссе было легко. Воздух только немного душноватый, как перед грозой. И желто-голубое небо висит над самой головой, давя на плечи. До сих пор Николай считал, что смесь желтого с голубым всегда дает зеленый цвет, но здесь небо выглядело именно желто-голубым, а не зеленым. Подобный феномен никто не мог объяснить. Как и причины, из-за которой на этом безопасном, прямом и ровном шоссе исчезали люди. Просто неожиданно обрывалась связь и больше не восстанавливалась. У Николая связи не было. За ним следили по пеленгу. Еще ему выдали универсальный индикатор опасности. Впрочем, у его предшественников индикаторы тоже имелись. В кобуре на поясе висел тяжелый дезинтегратор. У тех, кто шел здесь до него, тоже было оружие.

И это не помогло.

Первые полчаса нервы Николая были напряжены до предела. Ладонь он держал на рукоятке, готовый в любой момент выхватить оружие. Но... ничего не происходило. Все то же ровное прямое шоссе, все та же буйная ядовито-зеленая растительность по сторонам. И низкое желто-голубое небо. Постепенно Николай немного расслабился, перестал оглядываться по сторонам, зашагал увереннее и, наконец, убрал руку с дезинтегратора. Ладонь вспотела. Николай вытер ее о штаны и, уже почти не беспокоясь, зашагал дальше. Но в подсознании все равно сидел страх. Маленький, вредный, не дающий покоя. Неведомая опасность страшнее вдвое. Здесь может случиться что угодно. Вплоть до того, что шоссе неожиданно свернется в трубку – почему-то пришло в голову.

Весь предыдущий год его готовили к этому дню. Тренировки и занятия отнимали у него все время – он даже не успел узнать, как живут люди в этом далеком, 2489-ом году. Он знал, что они летают к звездам, что Человечеству теперь доступна почти вся Галактика; что люди уже встретили несколько других цивилизаций, но настоящий контакт установили только с одной из них. Он изучил кое-что из техники будущего – вот, пожалуй, и все. Нет, конечно, не все. Ведь были люди. Такие же, как и там, в его времени. Открытые и сдержанные, раздражительные и мягкие, напористые и нерешительные – разные. Но среди них не было ни одного, на

чьем лице не лежала бы печать тревоги. Даже когда они шутили, в уголках глаз пряталась эта озабоченность. Какая-то угроза нависла над миром будущего. И теперь Николай знал, какая.

Около ста лет назад на Земле было принято сообщение из космоса об Абсолютном Исполнителе. Планету Серал нашли довольно быстро, но связь с экспедицией неожиданно прервалась. Вторая экспедиция, посланная на розыски, тоже не вернулась. В общей сложности на Серале пропали без вести уже более семисот человек. Возвращались только те, кто не покидал кораблей или, выходя, не отходил далеко. А все, кто шел к Абсолютному Исполнителю, бесследно исчезали. Сначала, судя по засечкам локаторов, связь прерывалась совсем недалеко от цели. Потом люди стали пропадать, успев пройти все меньшее расстояние. Как будто зона неведомой опасности постепенно разрасталась. На Земле стали бить тревогу. Пытались добраться до Абсолютного Исполнителя по воздуху, но все летательные аппараты разбивались примерно в километре от цели, и от этих попыток отказались. И вот тогда Галактический Исследовательский Центр предложил провести эксперимент с отправкой к Абсолютному Исполнителю человека из прошлого. Чем при этом руководствовались ученые будущего, какими-такими особенностями психологии (или физиологии?) людей XX века, Николай так и не понял, да это его особо и не интересовало. Сейчас у него была одна задача – дойти.

Человеческую фигуру, маячившую впереди, Николай заметил довольно поздно. Он так привык к однообразию золотистой ленте шоссе, что глаз не сразу зафиксировал темный силуэт, появившийся на краю дороги.

До человека оставалось около двухсот метров. Николай вздрогнул. Рука сама опустилась на бедро, нащупывая рукоятку дезинтегратора. Но индикатор опасности молчал. Николай чуть замедлил шаги и осторожно приблизился к одинокой фигуре. Да, это был землянин. Он стоял, застыв с приподнятой для следующего шага ногой. В правой руке человек сжимал оружие, в левой – индикатор. На застывшей маске лица ясно читался страх, смешанный с недоумением. Он тоже шел к Абсолютному Исполнителю. И не дошел.

Николай не стал подходить близко, опасаясь какой-нибудь ловушки. Индикатор молчал, но тревога снова овладела Николаем. Вот она, "опасная зона". Теперь "это" может случиться в любой момент.

Николай двинулся дальше, изредка оглядываясь на темную фигуру, хорошо заметную на золотистой ленте шоссе. Как бы не ожил и не шарахнул из дезинтегратора!

Но человек был неподвижен.

Впереди показался еще один истукан, за ним еще и еще. Кроме людей, попадались еще какие-то чудища со свисавшей вниз бахромой щупалец; были и другие, похожие на землян, но пониже ростом и с тремя глазами; все они стремились туда же, куда и он, и все были остановлены какой-то

непонятной и страшной силой, заживо превратившей их в памятники самим себе.

Николай перестал обращать внимание на каменные изваяния и ускорил шаги. В тайне он надеялся, что неведомая сила не затронет его, и ему удастся проскочить "опасную зону". Судя по всему, до Абсолютного Исполнителя было уже недалеко. И тут Николай с ужасом почувствовал, как ноги наливаются многопудовой тяжестью; он двигался, словно в тягучей смоле, каждое движение стоило невероятных усилий. Он сделал еще шаг и застыл. Тело окаменело. Краски померкли. Звуки ушли куда-то вверх и исчезли. "Это конец," – успел подумать Николай, прежде чем исчезли и мысли.

4

Но это был не конец. Первыми возникли звуки. Знакомая слащавая мелодия назойливо плескалась в мозгу, становясь все громче. Потом окружающая темнота начала постепенно сереть, расступаться; словно в дымке, появились очертания комнаты, лица людей. Постепенно все обрело четкость, законченность форм.

В комнате царил полумрак. Негромко играла музыка. На экране извивался накрашенный певец. Николай поморщился – опять эти "Блю Систем"! И тут до него дошло. Неужели это был сон?! Путешествие в будущее, подготовка, Абсолютный Исполнитель, золотистая лента шоссе, каменные исту-

каны? Нет сомнений – это квартира Стаса. Значит, он все-таки принял таблетку, и все дальнейшее ему просто привиделось! На нем были его старые джинсы, рубашка, кроссовки. На столике стоял недопитый коктейль. Николай машинально опустил в кресло, взял бокал.

– А вы быстро освоились, – голос был незнакомый, и Николай, вздрогнув, обернулся. Может быть, к Стасу зашел еще кто-то?

Говорившему было лет тридцать. Загорелое, веселое лицо, черные, чуть выющиеся волосы; одет в серебристую куртку с какими-то значками и серые мешковатые брюки со множеством карманов и "молний".

– Да я сейчас посижу немного и пойду. Только приду в себя.

– Куда пойдете?

– Домой, понятное дело.

– Отсюда никуда не надо идти. Вы уже пришли.

– О чем это вы?

– Вы хотели сюда попасть – и попали. Теперь ваш дом здесь.

– При чем здесь мой дом? Это квартира Стаса. Вот посижу немного и...

Кто-то пьяно засмеялся. Человек, говоривший с Николаем, тоже улыбнулся.

– Значит, вы не знаете, где вы?

– Знаю. В квартире у Стаса.

– Здесь нет никакого Стаса. И вообще, это не квартира.

"Сумасшедший, – подумал Николай. – Или "колес" нагло-тался. Хотя нет, похоже, он трезвый. И глаза нормальные. Вот только лицо странно знакомое. Где-то я его уже видел."

– Тогда где же мы, по-вашему?

– Там, куда мы все стремились. В рай.

– Не понял...

– Вы шли к Абсолютному Исполнителю?

"Так это был не сон?! Или сон продолжается? Ничего не понимаю. Все перепуталось."

– Д-да... Кажется, шел.

– И дошли. Вот оно, ваше желание. Вы здесь.

Решив, что тема исчерпана, человек повернулся к Николаю спиной и вышел в соседнюю комнату.

Николай недоуменно поглядел ему вслед. Перевел взгляд на других сидевших в комнате. Похожие, ничего не выражающие лица. Кто-то пьет, кто-то листает журнал, кто-то спит, двое уставились на экран. Но ни Алисы с Аней, ни Володи, ни Сергея, ни Стаса в поле видимости не наблюдалось. Значит, правда? Значит, таково было его желание? *Единственное* желание?!

"Не верю!!!" Ведь он же сбежал из этой комнаты там, в своем веке, на Земле! А, может, где-то в глубине души, в подсознании?.. Нет, он не мог хотеть этого! Он и сейчас не желает оставаться здесь. Но почему тогда он сюда попал?

И тут Николай вспомнил. Лицо человека, заговорившего

с ним. Это был первый каменный истукан, встреченный им на шоссе.

Страшная догадка, тут же перешедшая в уверенность, поразила его. Все эти люди стоят, окаменевшие, там, на Севере! И он в том числе. Это была единственная, но практически непреодолимая ловушка проклятой планеты. И никто даже не подозревает об этом! Надо рассказать им, объяснить... Но нет, они его не поймут, не поверят. Наверняка каждый видит здесь свое, пребывая в персональном маленьком раю. Им хорошо. Они просто не станут его слушать, как не хотели слушать там, на Земле, в квартире у Стаса. Но он-то понял! Надо скорее выбираться отсюда, пока эта трясина не засосала и его.

Вот только... Почему – Стасов гадюшник? Почему – не какое-нибудь другое место, откуда он, Николай, действительно не захотел бы уходить, решив, что его желание исполнено? Или инопланетная ловушка не может создавать иллюзии произвольно? Да, наверное, ей нужны какие-то зацепки, картинки из памяти жертвы... Что же тогда получается? Никто из людей будущего ни о чем не догадался, потому что все они хранят в памяти образы тех мест, где хотели бы остаться навсегда? Где им по-настоящему хорошо. Выходит, это он, Николай, видит в них всего лишь бездумных и праздных сластолюбцев. А сами они уверены, что находятся в других местах, видят совсем иное. И только он, чужак из прошлого, получил суррогат рая, из которого стремится вырваться. Не

на это ли рассчитывали пославшие его сюда люди?!

"Что ж, в таком случае они рассчитали верно, – с горечью подумал Николай. – Я не знаю места, которое стало бы для меня настоящим раем. Его нет в моей памяти. И в этом моя сила."

Он решительно поднялся и направился к двери. Никто не обратил на него внимания. Дверь была такая же, как в квартире у Стаса. С минуту он возился с замками. Наконец, дверь распахнулась, и Николай невольно отшатнулся. За дверью не было ничего. Огромная, бесконечная, черная Пустота. Но пути назад нет. Он не останется в этом розово-приторном "раю". Это зараза, которая со временем может поглотить всю Галактику. Миллиарды каменных истуканов, стоящих рядами, навечно погруженные в свои иллюзорные миры. Нет, этого не будет!

И, собравшись с духом, Николай шагнул в пустоту.

5

Он снова был на Серале. Впереди виднелась очередная группа истуканов – некоторые из них показались Николаю знакомыми – а за ними, примерно в полукилометре – небольшое возвышение. Подходя, Николай уже знал: это и есть Абсолютный Исполнитель. Банальный округлый холм высотой около десяти метров. Прямо перед Николаем темнело отверстие входа, и там, внутри, что-то светилось, мер-

цало, переливаясь всеми цветами радуги. Вот она, цель его путешествия; цель, к которой стремились тысячи разумных существ с разных планет, и которой он один смог достичь.

И тут он услышал Голос. Казалось, он шел отовсюду – из пещеры, с неба, из-под земли.

– Да, ты пришел. Говори свое желание – я исполню его.

– Уничтожь тот "рай", в который попали все, кто шел к тебе!

– Это часть меня самого. Моя защитная система. Если я уничтожу ее, я тем самым уничтожу и себя. Тогда больше никто не сможет исполнить свое желание. Подумай об этом.

На секунду Николай задумался. Но нет. Что еще мог он попросить? Он знал теперь: Земля цела, ядерной войны, которой так опасались в его время, удалось избежать, люди уже летают к звездам, победили болезни, продлили в несколько раз свою жизнь; да и до всего остального Человечество дойдет рано или поздно. Само. Если только... если только его не поглотит эта манящая трясина, в которой он только что побывал.

– Нет, я не изменю своего желания.

– Твоя воля. Исполняю.

Николаю послышался вздох облегчения. Сияние в глубине пещеры вдруг вспыхнуло ярче и тут же погасло. Больше ничего не изменилось. Николай обернулся – и увидел. Каменные истуканы ожили, зашевелились и, как по команде, двинулись ему навстречу. Николай стоял и улыбался. А они

шли. Они были уже совсем близко. И тут Николай увидел их глаза, и внутри у него все похолодело. Они шли к нему. Шли молча. Он отнял у них их рай. Николай хотел крикнуть: "Опомнитесь! Я же спас вас, освободил от дурмана!" – но понял: бесполезно. Машинально он перевел регулятор дезинтегратора на разряд полной мощности. Он не хотел этого, и все медлил с выстрелом. И лишь когда увидел, что идущие впереди достают оружие, он поднял руку с дезинтегратором. В следующий момент перед глазами расплылась ослепительная вспышка, адская боль пронзила левую ногу, и все вокруг померкло...

6

...Звонил будильник. Николай открыл глаза и, еще не понимая, где он, оглядел свою комнату. Он был дома, на Земле, в своей квартире. Пора было вставать, завтракать и идти на работу.

"И приснится же такое!" – усмехнулся Николай и соскользнул с кровати. Взгляд его случайно упал на собственные босые ноги. Сердце на миг замерло. На левой голени виднелся косой шрам, которого раньше не было.

Сообщение Галактического Исследовательского Центра:

"Эксперимент с отправкой к Абсолютному Исполнителю человека из прошлого завершен успешно. Объект, представлявший опасность для всей Галактики, ликвидирован. Исполнитель, Кравченко Николай Владимирович, возвращен в свое время.

22.05.2489 г."

1988 г.

ВОИН

– *Три тысячи восемьсот сорок седьмой – в норме...*

...Чья-то рука опустилась Игорю на плечо. Игорь недоуменно обернулся. Перед ним стоял прыщавый юнец в кожаной безрукавке и серебристых, уже вышедших из моды, штанах.

– Что вам нужно?

Юнец ослабился.

– Твою девушку.

– Вы что, знакомы?

– Сейчас познакомимся.

– Я вас не понимаю.

– Сейчас поймешь, – и парень наотмашь ударил Игоря по лицу.

– Вы что, с ума сошли?! Что вы себе позволяете?!

– Заткнись, козел. А то вообще убью, – юнец схватил Оксану за руку и грубо потащил в подворотню.

Игорь с изумлением и ужасом смотрел им в след. По щекам его текли слезы.

– *Три тысячи восемьсот сорок восьмой – в норме...*

* * *

...Рой и его партнер застыли друг напротив друга, словно

статуи – два иероглифа, образующие один, воплощение идеального соответствия...

...Противник не выдержал первым. Черная фигура с криком взлетела в воздух, но в этот же миг Рой легко скользнул в сторону и с разворота похожим на оплеуху ударом послал противника на татами.

Хлопок в ладоши. Поединок закончился.

– В следующий раз – послезавтра, в семь.

– Понятно, Учитель. До свидания.

Рой поклонился и, не снимая маски, вышел, в последний раз взглянув на висевшие на стенах запретные полотна Хоку-сая. Теперь – в тир.

* * *

– *Четыре тысячи сто шестьдесят первый – в норме.*

– *Отключите ограничители обратной связи.*

– *Но ведь это запрещено Инструкцией, Командор!*

– *Вы же сами видите: здесь все чисто. Планету можно спокойно колонизировать – сопротивления мы не встретим.*

– *Но Инструкция...*

– *Мрак вас возьми, Воин вы, или нет?! Отключите ограничители – и тогда оставшаяся часть проверки пройдет в три раза быстрее.*

– *Слушаюсь, Командор.*

* * *

В кустах сверкнули два глаза, и тут же на тропинку выскочил волк. Это был крупный, матерый зверь, темно-серый, с черными подпалинами. Волк пристально следил за Джоном.

"И чего ему от меня надо? – подумал Джон. – Их что тут, не кормят в заповеднике? Впрочем, все равно, опасности нет никакой – агрессивность в них подавляют еще с детства."

Но что-то в поведении волка было не так. Джон попятился и споткнулся об увесистый сук. Инстинкт сработал раньше разума, и рука Джона непроизвольно метнулась к импровизированному оружию. Но тут включился разум, и Джон отдернул руку, словно от огня. Да как он мог?! Даже подумать о том, чтобы поднять руку на живое существо – преступление!

В следующий момент волк прыгнул. Джон дико закричал и бросился бежать...

– Четыре тысячи шестьсот сорок второй – в норме...

* * *

...Роя мучила бессонница – это случалось с ним довольно часто; он заново переживал сегодняшний вечер: тренировку, финальный поединок, стрельбу в тире, снова ощущал в руке

тяжесть пистолета, этот восхитительный запах пороха, видел разлетающуюся в клочья мишень...

Рой чувствовал, что родился не в свое время. Он был Воин, боец, а ему приходилось довольствоваться скромной и абсолютно мирной должностью программиста.

На Земле не осталось места насилию, и чтобы исключить саму его возможность, из обихода и памяти людей постарались убрать все, что о нем напоминало. Не только оружие – исчезли почти все картины, фильмы, книги – все, что хоть как-то могло напомнить о том, что человек способен причинить кому-либо физический вред. Даже мысль об этом считалась преступлением, и виновные немедленно подвергались ментальной обработке с полной инверсией личности. Это тоже было насилие, но – в целях безопасности общества. Кроме того, ментальную обработку осуществляли киберы.

И все же на Земле еще сохранились те, кто не мыслил свою жизнь без подвига, без борьбы. Их было мало, очень мало, всего несколько тысяч из пятидесяти миллиардов. Ходячие анахронизмы, вынужденные вести двойную жизнь, в тайне занимаясь совершенно бессмысленным делом, упорно готовившие себя – к чему? ради чего?..

...Наконец Рой заснул...

* * *

– Четыре тысячи девятьсот семьдесят четвертый – в

норме...

– ...Тихо! Не двигаться. Всем оставаться на местах.

Их было двое. У одного автомат, у другого – старый ржавый револьвер.

– Вы – заложники. За нами гонятся, но мы предъявим им ультиматум: или они дают нам вертолет, или мы убьем всех вас.

Две девушки и светловолосый парень с ужасом и недоумением смотрели на нависших над ними вооруженных людей.

Сердце Роя учащенно забилося. Вот оно! Значит, все-таки не зря... Только спокойнее, спокойнее. Помнишь, чему тебя учили? Ярость снаружи, спокойствие внутри. А не наоборот. Ты знаешь, что делать.

Рой знал.

Не вставая он, резко кувыркнулся вперед, обеими ногами выбив автомат у того, что стоял ближе. Второй обернулся, но автомат был уже в руках у Роя. Одна короткая очередь. Из груди бандита выстрелили четыре миниатюрных кровавых гейзера, и он, даже не вскрикнув, повалился в траву. Нажать на спуск он успел всего раз, и эта единственная пуля угодила прямо в сердце его же товарищу.

Весь поединок занял не более пяти секунд.

* * *

– ...Четыре тысячи девятьсот семьдесят пятый – пере-

ход на тестирование второго уровня.

... Через лес ломилось несколько человек, и это не сулило ничего хорошего.

– Быстро, бегите к трассе за помощью. Я их задержу.

Дважды повторять не пришлось – обе девушки и парень, не разбирая дороги, бросились бежать в нужном направлении. Рой подобрал револьвер, сунул его за пояс, пошарил по карманам убитых в поисках патронов. Нашел несколько револьверных и запасной магазин к автомату. Должно хватить. Он перебежал чуть правее и залег за небольшим бугорком, выжидая.

Бандиты высыпали из леса как-то разом; их было человек пятнадцать. Длинной очередью Рой срезал четверых. Хороший автомат, из последних разработок перед запретом. Ствол почти не ведет. Остальные поспешно залегли, открыв ответный огонь. Рой откатился в сторону, и тут же на бугорке, за которым он только что лежал, с грохотом разорвалась граната.

Рой затаился. Через минуту он увидел двоих с автоматами, бегущих к тому месту, где прогремел взрыв. Неспеша прицелившись, он плавно нажал на спуск и слегка повел стволом. Оба упали, как подкошенные. Шестеро. Осталось еще девять.

Чуть в стороне виднелся полуразрушенный дом, и Рой пополз туда. Высоко над головой посвистывали пули. С опушки коротко и зло трещали автоматы, но Роя это пока не бес-

покоило: бандиты потеряли его из виду и палили наобум, по кустам. Это было не опасно...

* * *

– *Что там такое, Оператор?*

– *Обнаружен потенциальный Воин, Командор. Он справился с тестом первого уровня, и система переключилась на второй.*

– *Включите на всякий случай ограничители.*

– *Но сейчас это приведет к сбою программы.*

– *Ладно. Следите за тем, как идет тестирование.*

– *Есть, Командор.*

* * *

...Рой вставил в гнездо новый магазин и, оттянув затвор, отпустил рукоятку. Затвор маслянно, сочно щелкнул, досылая патрон, и этот щелчок доставил Рою удовольствие. Он всегда любил оружие – эти смертоносные, но прекрасные в своем совершенстве инструменты.

Он осторожно выглянул в окно. Совсем близко крались двое, с автоматами на изготовку. Два одиночных навскидку. Патроны следует поберечь.

Тотчас же рядом брызнули осколки кирпича, и Рой от-

шатнулся от окна. Засекли.

"Кстати, а откуда тут банда?" – подумал вдруг Рой, прыгая к другому простенку. Над головой прошла очередь, посыпалась штукатурка.

"Ведь никаких бандитов, а, тем более банд, на Земле нет! Террористы? Так и их давно не осталось! Хотя они и продержались дольше, чем обычные уголовники..."

Выскочивший из-за кустов бандит взмахнул рукой, но тут же горло его прошила пуля. Граната рванула глухо, но мощно, щедро осыпав все вокруг осколками, и из-за дерева рухнул еще один. Осталось пятеро.

"И, вообще, что это за место? Как я сюда попал? Что-то не припомню."

Где-то в доме слышались шаги. Рой, пригнувшись, бесшумно подкрался к двери. Ближе, ближе...

Очередь бьет почти в упор, автомат дергается в руках, из человека летят кровавые клочья, и он, судорожно взмахнув руками, валится на спину. В следующий момент Рой краем глаза успевает заметить черный яйцевидный предмет, который, шипя и дымясь, катится к нему. В отчаянном прыжке Рой перелетает через поверженного противника, катится по полу, и тут его с грохотом накрывает упругая волна горячего воздуха, камней и обломков штукатурки...

...Сквозь звон в ушах Рой все же услышал приближающиеся шаги и медленно, очень медленно нащупал за поясом рукоятку револьвера. Он лежал лицом вниз; в нос и рот на-

бллась пыль, в голове шумело, перед глазами, постепенно замедляясь, крутились огненные пятна.

– Вроде, готов. Сейчас, садану в него на всякий случай. Контрольный.

Рой перекатился на бок и выстрелил. Говоривший на секунду застыл, в глазах у него отразилось изумление, но тут застыли и они, и он рухнул лицом вниз, так и не успев выстрелить.

– Ну что, добил? – осведомился из соседней комнаты.

– Добил, – отозвался Рой, хватая автомат убитого и прыгая вперед.

"Черт, да ведь я же сплю!"

Длинной очередью он срезал обоих, шагнувших ему навстречу – они даже не успели поднять оружие. Остался еще один. Где же он?!

"Точно, сплю! Это сон!.. Только слишком уж реалистичный. Не бывает таких снов. Или бывают? Нет, здесь определенно что-то не так..."

Рой ничего не увидел и не услышал, но почувствовал опасность каким-то шестым чувством, интуицией прирожденного бойца. Не раздумывая, он упал и, перевернувшись на спину, выстрелил. Очередь прошла над ним, зато пули Роя достигли цели – последний противник, согнувшись пополам, осел на пол...

* * *

– *Четыре тысячи девятьсот семьдесят пятый – переход на тестирование третьего... переход на тестирование третьего... сбой системы... сбой системы... переключение на свободный поиск...*

– *...Командор, сбой в системе!*

– *Немедленно отключите комплекс!*

– *Сейчас... Не действует!*

– *Аварийное отключение!..*

* * *

«...Нет, это не сон. Вернее, не совсем сон. Главное – не просыпаться; тогда есть надежда понять...»

Как-то разом навалились глухие сумерки. Потемнело почти мгновенно – но не до конца. Затем все окружающее начало искажаться, как в кривом зеркале, окуталось туманной дымкой и быстро исчезло. Рой ощутил, словно какие-то склизкие и тонкие щупальца роются у него в мозгу. Не выходя из сна, он крепко вцепился в эти щупальца – не руками – собственным разумом – чтобы проследить, откуда они тянутся. И неожиданно увидел большую круглую комнату, освещенную потусторонним голубоватым светом, широкий

пульт с мигающими огоньками, голографические контрольные экраны, зависшие прямо в воздухе, чужие, бесстрастные лица... Да ведь это же космический корабль!

И тут же Рой почувствовал: ему необходимо попасть туда. В следующее мгновение перед ним в каком-то бешеном вихре мелькнули его комната, разрушенный дом, трупы бандитов, звездное небо, голубой шар Земли...

Рой открыл глаза. Перед ним изгибался неширокий коридор, освещенный потайными лампами; на стенах мерцали размазанные огоньки, похожие на кляксы флюоресцентной краски.

Он был на корабле.

* * *

— ...Аварийное отключение!

— Сейчас... Есть!

— Поздно.

— Как — поздно?!

— Сработала телепортационная установка. Он на корабле.

— Так значит...

— Да, третий уровень, — голос Командора, несмотря ни на что, был спокоен. — Это моя ошибка — я недооценил их. Нельзя было отключать ограничители обратной связи — он перехватил контроль над телепортом. Но нас на корабле

пятеро. Пять Воинов третьего уровня против одного. Кроме того, он безоружен. Возьмите излучатели. Начинается настоящая охота.

*** * ***

Рой медленно шел по коридору, стараясь запоминать повороты и боковые ответвления. Возможно, пришельцы и не хотят зла землянам, но надо быть готовым к худшему.

Коридор повернул в очередной раз, и Рой увидел пришельцев. Их было двое. Высокого роста, в полупрозрачных облегающих комбинезонах, с каменными мертвенно-бледными лицами. Несколько секунд землянин и хозяева корабля молча смотрели друг на друга. Потом один из инопланетян медленно поднял руку. Рой не успел разобрать, что тот держит в руке, но когда из короткого ствола ударил ослепительный луч, Рой был уже за углом. Позади вспыхнула, рассыпавшись искрами, переборка.

"Лазер," – догадался Рой, нарочито громко топая по полу. Он быстро замедлил шаги и бесшумно двинулся обратно. Сейчас они, скорее всего, разделятся – один пойдет за ним, а другой – в обход.

За углом слышался шелест шагов. Так и есть. Один.

Рой отступил чуть назад, выждал немного – он словно видел своего противника, крадущегося за углом – и прыгнул.

Краем глаза Оператор успел заметить мелькнувшую в

проходе тень, но было поздно. В следующее мгновение короткий безжалостный удар проломил ему череп.

Один из красных огоньков на браслете Командора мигнул и погас.

Рой подобрал лазер и быстро и легко побежал в ту сторону, откуда появились враги. В дальнем конце прохода мелькнула долговязая фигура, но выстрелить Рой не успел – пришелец мгновенно скрылся. Рой даже не понял, видел тот его, или нет.

Поворот, еще поворот. Кто-то выскакивает навстречу. Палец сам жмет на спуск. Огненная вспышка разрывает фигуру буквально пополам. Хорошая пушка. Рой подобрал второй лазер, сунул его за пояс широких, как кимоно, пижамных штанов. Пригодится.

Дальше, дальше. Надо найти их командную рубку, которую он видел во сне.

В последний момент Рой своим шестым чувством уловил какое-то движение за спиной, и тут же кубарем покатился по полу. Ослепительный луч огненным веером прошел над головой. Рой выстрелил в ответ почти наугад, по вспышке. Посыпались дымящиеся обломки, и вместе с ними в проход со стоном упал пришелец, зажимая ладонью обожженное плечо.

"Одного надо взять живым."

Ногой отшвырнув лазер, к которому потянулся было инопланетянин, Рой аккуратно приложил пришельца рукояткой

излучателя по темени. Противник обмяк, потеряв сознание – похоже, физиология пришельцев не сильно отличалась от земной. Обрывками проводов Рой проворно связал руки и ноги врага.

"Потом с ним разберусь. Еще неизвестно, сколько их осталось."

...Лазер ударил из дверного проема почти в упор. Кувырок в сторону – но огненный луч все же задевает его правое плечо; жгучая боль отдалась во всем теле, излучатель выпал из ослабевшей руки.

На лице возвышавшегося над ним инопланетянина появилось некое подобие улыбки, когда он наводил свой лазер в лоб Рою. Мышцы сработали сами. Как недавно во сне, он обеими ногами ударил противника по руке с оружием и, перекатившись назад, вскочил. Здоровой рукой выхватил из-за пояса второй излучатель. Он жал на спуск до тех пор, пока тело пришельца не превратилось в бесформенную обугленную массу.

Еще одна точка погасла на браслете Командора. Теперь он остался один. Возможно, кто-то из экипажа и уцелел – но находится сейчас без сознания.

Командор поднял взгляд от браслета. В проеме входа в центральную рубку стоял голый по пояс человек с обожженной правой рукой. В левой он держал излучатель, и ствол его был направлен на Командора.

Командор с едва заметной усмешкой медленно поднял ру-

ки — он знал, что этот жест принят у землян — и вдруг резко прыгнул в сторону, перекатом скрывшись за блоком накопителя и еще в падении выхватив свой излучатель.

Рой не выстрелил — сообразил, что все равно не попадет, а портить оборудование рубки ему не хотелось. Он по достоинству оценил противника.

Луч ударил снизу, наискось, и не упав Рой на пол, разрезал бы его пополам. Рой покатился по полу, а за ним, настигая его, мчалась дымящаяся полоса. В последний момент он отчаянным кувырком вскочил на ноги, перепрыгнул через метнувшийся к нему смертоносный луч и, почти не целясь, нажал на спуск. Огненный клубок взрыва вспух в углу, и все стихло.

Рой осторожно приблизился и увидел оторванную руку с браслетом, на котором гасла последняя красная точка.

Воин четвертого, неизвестного пришельцам уровня, шагнул к пульту.

1990 г.

СКОЛЬЗКИЙ ПОВОРОТ

Два черных «Форда» я заметил только при выезде из города. Без сомнения, это были люди Файкина. Не скажу, чтобы я очень испугался, но все же мне стало как-то не по себе. В памяти сразу всплыл вчерашний разговор.

– Тебе нравится твоя работа?

– Да, шеф.

– А ты хотел бы получать за нее вдвое, нет, втрое больше?

– Конечно, хотел бы!

– У тебя есть такая возможность. Но это связано с некоторым риском.

Я еще не понимал, куда он клонит.

– Дело пустячное и для тебя привычное. Перевезешь груз, куда надо – тебе заплатят. Вот и все. Правда, груз не совсем обычный. С ним лучше не попадаться.

Тут я наконец понял. Наркотики. У нас давно ходили слухи, что Файкин промышляет перевозкой "травки", а то и "белой смерти", но я им не слишком верил. Зря, как выяснилось...

– Нет, шеф, это не для меня. Я буду возить для вас обычные грузы за обычную плату. А сегодняшнего разговора просто не было. Я ничего не слышал.

Файкин поднял на меня глаза. Нехороший у него был взгляд, тяжелый. Он как будто сочувствовал мне, но так, как

может сочувствовать палач приговоренному к смерти.

– Ты свободен, иди, – только и сказал он.

Я вышел из его кабинета. Через час я встречался с Линдой, так что я действительно тут же забыл об этом разговоре. Не было его. Не было – и все.

А вот Файкин не забыл.

Я украдкой взглянул на Линду. Нет, она ни о чем не подозревает.

"Может, пронесет?" – мелькнула слабая надежда. Но я уже знал: не пронесет. Я не переоценивал свои возможности. Их там не меньше четырех человек, и все с оружием. Да и моторы у них получше, чем у моего старенького "Пежо". Шансов нет практически никаких. Но главное – не это. Линда окажется свидетелем, и они убьют и ее. Поэтому, хоть и знал, что это бесполезно, я прибавил скорость.

Серпантин горной дороги несся нам навстречу. На повороте машину занесло, но мне удалось вырулить.

– Не гони так! – испуганно вскрикнула Линда, когда край обрыва пронесся всего в нескольких дюймах от нас.

Я молча ткнул пальцем в зеркало заднего обзора. Два черных "Форда" неотступно следовали за нами, постепенно сокращая дистанцию.

– Кто это? – голос Линды задрожал.

– Бандиты. Если мы не оторвемся от них или не доберемся до полицейского поста – нам крышка.

Мотор уже надсадно выл. Мимо со страшной скоростью

проносились столбики ограждения. Позади затрещали выстрелы. Заднее стекло мгновенно покрылось тонкой сеткой трещин. Пуля обожгла мне ухо, и в лобовом стекле рядом с моей головой появилась аккуратная круглая дырка.

Поворот. Я резко бросил машину влево. Задние колеса занесло. В какую-то долю секунды я увидел, что дальше дороги нет, она уходила в никуда, и там все было скрыто плотным мерцающим голубоватым туманом. Я не успел ничего подумать, не успел даже удивиться. В следующее мгновение мы влетели в этот туман, и все исчезло...

* * *

...Я не знал, сколько прошло времени, пока я очнулся. Мы были в нашей машине. Мотор не работал, и вокруг стояла мертвая тишина. Я никак не мог понять, где мы находимся. Кругом – темнота, но темнота какая-то флуоресцирующая, словно в ней роилось множество слабых светлячков. Линда лежала на сиденьи, откинув голову назад. Ее длинные волосы свисали вниз и слегка колыхались, как от дуновения ветра, хотя я не ощущал ни малейшего движения воздуха. Грудь Линды мерно поднималась и опускалась – она была в забытьи.

Я зажег спичку и взглянул на часы. Они стояли. Сколько же прошло времени? И, главное, где мы? Что с нами произошло?

Я помнил, как увидел, что дальше дороги нет, как мы влетели в голубой туман, а дальше – провал.

Я потянулся к ручке двери. Она щелкнула, и этот звук разбудил Линду. Я скорее угадал, чем увидел, что она открыла глаза. Села на сидении.

– Где мы? – шепотом спросила она.

– Не знаю, – почему-то также шепотом ответил я.

– Я помню, как мы въехали в туман – и все.

– У меня то же самое. Надо выйти и осмотреться.

Мы вместе выбрались из машины и сделали несколько неуверенных шагов вперед. Пол казался металлическим, но этот металл почему-то мягко прогибался под ногами. Но не весь, а лишь в том месте, на которое наступишь. Словно плотная резина. Вокруг по-прежнему стояла тишина. Свечение, казалось, раздвинулось, приобрело форму купола, как если бы роившиеся в воздухе светлячки уселись на его поверхность. Но каких-либо предметов или подробностей различить не удавалось.

Человек возник перед нами неожиданно. Он не вышел из какой-нибудь двери, не подкрался незаметно, даже не поднялся с пола – он проявился прямо из воздуха, как изображение на фотобумаге. Света сразу как будто прибавилось. Я разглядел, что человек одет в очень дорогой черный костюм, который к тому же прекрасно на нем сидит. Белая крахмальная рубашка, черный галстук, начищенные до зеркального блеска черные ботинки. На вид человеку было лет тридцать

пять. Лицо вполне приятное, с немного крупными чертами; прямые черные волосы аккуратно зачесаны назад.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

– Разрешите представиться: Томас Стрэнджерс, – голос неожиданно низкий, бархатистый – ему бы в опере петь! – А вы можете не представляться, – добавил он, заметив, что я открыл рот. – Я и так знаю: вы – Джеральд Бикс, а вы – Линда Мэйфорд.

– Но...

– Разумеется, вам не терпится выяснить, что с вами произошло, и где вы сейчас находитесь. Отвечаю по порядку: мы спасли вас от бандитов, которые вас преследовали, и переправили в безопасное место. Здесь вам ничто не угрожает.

– Благодарю вас. Мы очень признательны. – Нечасто я выражаюсь столь изысканно, но сейчас на меня невольно нашел "высокий штиль". Да и было, отчего! Впрочем, долго его выдерживать у меня никогда не получалось. – Честно говоря, я уж думал – нам конец. Потом этот голубой туман – и вот мы здесь. Если бы не вы...

– Да, теперь мы оба в неоплатном долгу перед вами.

Ага, и Линду проняло.

– Ну что ж, если вы оба так считаете, то я могу предоставить вам возможность вернуть этот "долг". Тогда мы будем квиты.

Что-то не понравилось мне в его словах. В них таился некий подвох. Но, в конце концов, эти люди, кто бы они ни

были, спасли нам жизнь, так что теперь мы просто обязаны помочь им, если это в наших силах.

– Разумеется, мы с удовольствием окажем вам любую услугу.

Линда согласно кивнула, но при этом инстинктивно придвинулась ближе ко мне. Она тоже почувствовала что-то неладное.

– Вот и отлично. Присаживайтесь – и поговорим.

Мы с Линдой оглянулись. Позади нас стояли два мягких кресла округлой формы. Стрэнджерс опустил в третье, в какое-то неуловимое мгновение возникшее за его спиной. Мы последовали его примеру.

– Итак, вы согласны оказать нам одну услугу?

– Да... но чем мы можем вам помочь?

– Дело в том, что нам нужно то, что вы называете любовью. Точнее, не сама любовь, а ее энергия. Но это почти одно и то же.

– Не понял... Да кто вы такие, наконец?!

– Ах, да, с этого, конечно, следовало начать. Мы – это другая цивилизация. Наша звезда находится в Центральном Шаровом Скоплении, как вы его называете, с Земли она не видна. Но для вас это не существенно. Нам нужна энергия любви, и мы ее покупаем. На любых условиях.

– Но зачем она вам?

– Для межзвездных перелетов. Это единственный вид энергии, который может открыть выход в нуль-пространство

и обеспечить мгновенную переброску звездолета в любую точку Вселенной. Вот зачем нам нужна эта энергия.

– И вы хотите использовать для этих целей нашу...

– Да. У вас и мисс Мэйфорд очень сильное поле, мы уже проверили. Такая его напряженность – большая редкость. Вы могли бы очень помочь нам.

– Но... это не отразится на нас самих?

– Нисколько. Мы берем лишь избыточную энергию. А ваше чувство не исчезнет.

От меня не укрылось, что слово "чувство" он произнес с некоторой долей сарказма.

– И мы должны будем покинуть Землю?

– Разумеется. Передавать энергию любви, или, как мы ее называем, *эмфи* – энергию, на расстояние мы еще не научились.

– Навсегда?

– Да, навсегда. Корабль будет настроен только на вас двоих, и перестроить его будет очень сложно. Но вы увидите то, чего ни разу не видел ни один человек Земли. Вам откроются новые миры, звезды, планеты, галактики!

Прямо в воздухе перед нами возник полупрозрачный экран. На нем вспыхнули ослепительно яркие звезды. Они заполнили все вокруг, надвинулись на нас. К нам приближалась багрово-красная планета. Огненные смерчи гуляли по ее поверхности, повсюду сверкали вспышки молний – это был дикий, еще только нарождавшийся мир.

Ее сменила другая. До самого горизонта простирался нежно-голубой песок, в зеленоватом небе сияли два солнца. По песку проносились какие-то гибкие существа – не то змеи, не то ящерицы, а может быть, что-то совсем иное.

Экран погас.

– Это лишь немногие из тех миров, которые вы сможете увидеть. И вы будете всегда вместе. Никто и никогда не разлучит вас. Подумайте. Не смею вам мешать.

И он исчез – попросту растаял в воздухе.

Мы с Линдой молчали. Нам нужно было время, чтоб опомниться. "Может, это мистификация? Дурацкий розыгрыш?" – мелькнула мысль. Нет, руки коротки у наших шутников для *таких* розыгрышей.

Но что же тогда нам делать? Я инстинктивно не доверял этому Стрэнджерсу (у себя-то он наверняка носил другое имя) – была в его словах какая-то недоговоренность, что-то двусмысленное, недосказанное. А ведь, если разобраться, чего он хочет? Чтобы мы с Линдой превратились в двигатель звездолета! Чтобы мы своей любовью переносили его в любую нужную им точку пространства. Космические рикши! Нет, господин Стрэнджерс, или как вас там, не пойдет. И от смерти вы спасли нас только потому, что мы вам нужны. А были бы не нужны – лежать бы нам сейчас с простреленными головами на дне пропасти.

– Мир без любви.

Это сказала Линда. А ведь она права! Иначе не полетели

бы они за своей драгоценной энергией к нам, на Землю... Нет, наверное, была у них любовь, но только растратили они ее на межзвездные перелеты, сожгли в двигателях кораблей – а теперь вот и до нас добираются.

– Нет.

– Нет.

Перед нами вновь появился Стрэнджерс.

– Итак, вы отказываетесь.

– Да.

– Да.

– Напрасно. Подумайте как следует. Второй подобной возможности вам не представится. Мы только отберем из вашего *эмфи* –поля лишнюю энергию – ну, как кровь для переливания. От этого ведь не умирают. И вы будете жить долго, намного дольше, чем на Земле – мы и это умеем.

– Нет.

– Нет.

– Мне не хотелось говорить вам этого, но придется.

В воздухе снова возник экран. А на нем – дорога, по которой мы недавно (недавно ли?) мчались, спасаясь от людей Файкина. Шел дождь. Мокрое шоссе блестело в свете фар. Мы с Линдой снова были там, в моем стареньком "Пежо". В зеркале заднего обзора виднелись все те же два черных "Форда". Мы шли на предельной скорости, но они постепенно нагоняли нас. Поворот. Машину занесло. Я резко вывернул руль вправо, но было поздно – подвела мокрая дорога.

На какое-то мгновение автомобиль завис над обрывом, потом мелькнул скалистый склон, усеянное звездами небо – и все исчезло.

– Вот что случится с вами, если вы останетесь на Земле. Вероятность – девяносто девять с половиной процентов. Наша машина не ошибается. Итак, выбирайте.

Мы с Линдой взглянули друг на друга.

– Нет.

– Нет.

В следующий момент все исчезло.

* * *

Мы снова сидели в машине. В небе сияло ослепительное солнце. На дороге – никого, кроме нас. Не сговариваясь, мы выбрались наружу и просто стояли, жадно глотая свежий, напоенный солнцем и запахом сосен воздух. Кошмар кончился. Нет громил на «Фордах», нет зловещего пришельца... Конечно, на самом деле они есть, но – где-то далеко, настолько далеко, как если бы их и вовсе не существовало. Сегодня же мы уедем из города, а там пусть люди Файкина нас поищут.

За поворотом послышался шум мотора. Сердце сжалось от тревожного предчувствия. Мы взглянули друг на друга и, не сговариваясь, бросились к машине.

Да, это были они. Но я их больше не боялся. Сейчас день,

в небе сияет солнце. Мы уйдем от них, обманем на развилке. Или доберемся до полицейского поста. Я был почти спокоен. Мы сделали правильный выбор. И все же... Ведь им там, наверное, очень плохо без любви. И не потому, что они не могут проникнуть в нуль-пространство. Без любви вообще плохо. И, может быть, мы смогли бы научить их любить?..

Нет, нас бы заперли в звездолете и не выпустили оттуда до конца жизни. Или нет? И почему в конце на экране мелькнуло звездное небо? Ведь шел же дождь, на небе были тучи... Выходит... они обманули нас?! Не будет дождя, обрыва и последнего полета в пропасть, навстречу смерти? Жизнь продолжается?!

Да! Теперь я уверен в этом!

И я выжал газ до упора.

1987, 1995 г.г.

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

ОБОРОТЕНЬ

Этот полустанок ничем не отличался от других таких же построек, разбросанных на длинных уральских перегонах между крупными станциями. Заплеванный семечками бетонный пол, окурки под облупившейся и изрезанной ножами скамейкой; стены, испещренные надписями, начиная от «АС/DC», «Петя – дурак» и «Коля + Лена = любовь» и заканчивая импортными «факами». В самом темном углу – всегда закрытое окошечко кассы, и рядом – замазанное известкой расписание поездов. Еще на полустанке имелся буфет, и он, как ни странно, работал.

Полная розовощекая буфетчица в грязно-белом переднике налила мне стакан еще теплой бурды, которую во всех подобных заведениях именуют "кофе с молоком", выдала два свежих сметанника и, сделав вид, что не нашла сдачи, удалилась к себе в подсобку.

Кроме меня, в буфете был лишь один посетитель. Он расположился за столиком у окна и пил сок с теми же сметанниками.

– А соку у вас нет? – громко спросил я в темный проем подсобки.

– Кончился, – лаконично отозвались из глубины.

Я направился к окну.

– Разрешите?

– Да, конечно.

Мужчина подвинулся, уступая мне место, и переставил в угол уютившийся под столом черный "дипломат".

– И как вы это пьете? – осведомился он, указывая на мой "кофе".

– Да вот как-то пью, – усмехнулся я. – За неимением лучшего...

– Не следует довольствоваться худшим, – закончил он.

Я молча отхлебнул "кофе" и принялся за сметанник, изредка поглядывая на своего соседа. На вид ему было лет двадцать шесть – двадцать восемь, но чувствовалось, что он многое повидал за свою жизнь – обветренное, хотя и довольно интеллигентное лицо, прямой нос, ровные, немного насушенные брови. И какая-то отчужденность, притаившаяся в глубине серых, со стальным отливом глаз.

Незнакомец допил свой сок и достал из кармана пачку "Кэмела". Я молча указал на табличку "Не курить" в углу, но он, в свою очередь, указал на кучу окурков под этой табличкой и щелкнул зажигалкой. Дурные примеры заразительны, и я, покончив с "кофе" и сметанниками, тоже достал сигарету. Незнакомец предупредительно протянул мне горящую зажигалку раньше, чем я начал искать по карманам спички. С минуту мы молча курили. Молчание становилось тягост-

НЫМ.

– Вы куда едете, если не секрет? – поинтересовался я.

– Никуда.

– Что же тогда, простите за нескромный вопрос, вы здесь делаете?

– Курю.

– Ну, я тоже курю. И жду поезда.

– А я курю и не жду поезда. Хотя нет. Жду.

– Ну вот, а говорили, никуда не едете.

– Не еду.

– А, так вы кого-то встречаете?

– Почти угадали. Несколько странный у нас разговор, не находите?

– Пожалуй...

– Но, я вижу, вас заело любопытство.

– Ну, как вам сказать...

– А так и говорите. Я не обижусь. Я вообще разучился обижаться. К людям я или равнодушен, или ненавижу их.

– Ну зачем же так? По-моему, люди этого не заслужили.

– На моем месте вы тоже изменили бы свое мнение о людях.

– Ну... не знаю. Я, к счастью, не на вашем месте. И все же, что плохого сделал вам род человеческий?

– Именно что "к счастью". Это длинная история. – Он взглянул на часы. – Осталось чуть больше часа. Могу и рассказать, коль уж вам так интересно. Как раз успею.

Он достал новую сигарету, закурил. Я приготовился слушать. Судя по всему, ему страшно хотелось выговориться, пусть даже первому встречному – все равно кому. И пусть выговорится. Может, легче станет.

– Вы когда-нибудь слышали про оборотней? – неожиданно спросил незнакомец.

– Слышал, конечно. Читал, вернее. В сказках, в детстве еще. Ну и фильмы там, "жутики" всякие...

– Понятно. А вам никогда не приходило в голову, что эти сказки и "жутики" могут иметь под собой реальную основу? Пусть сильно искаженную, стилизованную, приукрашенную вымыслом, измененную тысячекратными пересказами, затасканную во второсортных фильмах, но – реальную?

– Нет, не приходило.

– А зря. Мне вот пришло. Давно, лет десять назад. И я начал собирать сказки, мифы, легенды, старинные трактаты, просто упоминания об оборотнях. И оказалось, что подобные поверья и истории, в разных вариантах, существуют практически у всех народов. На востоке это тигры и лисы-оборотни, у нас и в Западной Европе это обычно вервольфы; есть упоминания о медведях-оборотнях и так далее.

Во большинстве сказок оборотни – как правило, персонажи отрицательные, вот они и превращаются в опасных для человека зверей, чтобы легче было убивать свои жертвы. А в конце приходит какой-нибудь добрый богатырь, убивает во-вулака, и – счастливый конец. Для всех, кроме переверты-

ша, разумеется. Так оно, по-видимому, и бывало на самом деле.

– В смысле – "на самом деле"? Вы что, хотите сказать...

– Да, да, именно это я и хочу сказать! Оборотни – не выдумка. Существовали люди, знавшие какой-то секрет, дававший им возможность превращаться в зверей. Естественно, их считали злыми колдунами, и, если узнавали об их способностях – убивали. Люди всегда боялись того, чего не понимали. И из страха старались уничтожить все непонятное.

– Но постойте! Это обычная мистика. Точно так же можно "вывести" существование леших, водяных, русалок, драконов и любой другой чертовщины!

– А кто вам сказал, что всей этой "чертовщины" нет и никогда не было? Может, и была. Может, и сейчас прячется где-нибудь в глухих чащобах, подальше от людей. Но тут я с вами спорить не стану – нет доказательств. А насчет оборотней доказательства у меня есть. Я сам оборотень.

"Сумасшедший!"

Как видно, эта мысль отразилась на моем лице.

– Что, испугались? – сейчас он должен был усмехнуться. Но он не усмехнулся. Только в голосе прозвучали едва заметные нотки горькой иронии.

– Не бойтесь. Я не сумасшедший, – голос его прозвучал устало. – Я и в правду оборотень. На мое несчастье.

Он замолчал. Я тоже молчал, чувствуя, что это только начало. Незнакомец снова достал сигарету, и я последовал его

примеру.

– Да, я оборотень, – снова заговорил он. – Но не совсем такой, как в сказках. Понимаете, я изобрел средство, при помощи которого любой человек может менять свой облик. Вообще-то я нейрокибернетик. Слышали о такой специальности?

– Краем уха.

– Могли и вообще не слышать. Наука эта новая, и я попал в один из первых наборов на свою специальность. Есть такой институт биокибернетики, под Москвой. Вот туда я и поступил.

Я был на четвертом курсе, когда наткнулся на эту идею. То есть, наверное, сидела она во мне уже давно, но окончательно оформилась лишь к тому времени. Вы не специалист, но я постараюсь кратко объяснить вам суть. В мозгу человека существует несколько центров, назначение которых до сих пор неизвестно. Они, вроде бы, не влияют ни на память, ни на мышление, ни на восприятие, ни на гормональную сеть – но зачем-то они все же нужны – природа ничего не делает зря. И еще. Где-то в человеческом организме запрятан огромный запас энергии. Иногда, в экстремальных ситуациях, он высвобождается, и тогда человек творит чудеса: женщина приподнимает самосвал, наехавший на ее ребенка, рабочий, испугавшись забежавшего в котельную кабана, запрыгивает на пятиметровую высоту, а потом не может слезть – я знаю десятки примеров.

Так вот, мне пришло в голову, что один из тех загадочных мозговых центров открывает "клапан" для высвобождения запаса энергии, а другой регулирует форму ее высвобождения. И одной из таких форм может быть трансформация человека в другое существо. Сознание и память при этом должны сохраняться – иначе "оборотень", один раз превратившись, не смог бы снова стать человеком.

Но для такой трансформации нужны еще некоторые условия. Во-первых, надо уметь управлять трансформационным центром. А мы не умеем. Я немного научился, да и то без стимулятора обойтись не могу.

А во-вторых, надо "знать", в кого превращаться. В мозгу должен быть записан генетический код зверя, в котором ты хочешь стать. Он как бы, говоря языком кибернетиков, задает программу. Без нее "компьютер" – наш мозг – работать не будет.

И я нашел в мозгу нужный узел! В нем имелись "чистые" нервные клетки – они предназначались для записи кода. Но код мог быть записан только один – вот почему оборотни в сказках почти всегда имеют "узкую специализацию".

У колдунов из сказок всегда есть разные колдовские зелья. Я думаю, часть из них представляли собой препараты для генетического кодирования. Эх, раздобыть бы где-нибудь такого зелья на анализ! Но где его теперь найдешь – сейчас настоящих колдунов практически нет, одни шарлатаны...

Ну, а я обошелся вообще без зелья. Современная наука располагает такими средствами, о которых и не мечтали средневековые колдуны. В частности, нейроволновыми излучателями. Простейшая модуляция на нужном мозговом ритме – и вся информация вводится прямо в мозг в течение нескольких секунд.

Но с этим я не спешил. Сначала нужно было научиться управлять трансформационным узлом мозга. Эксперименты я ставил на себе. Для начала досконально изучил, какие нервные окончания ведут к этому узлу. И оказалось: все они выходят в так называемые активные точки, известные восточной медицине уже тысячи лет. В частности, в эти точки производится иглоукалывание. Я нашел двадцать восемь таких точек, но теперь мне достаточно четырех, и пользуюсь я не электрическим разрядом, как в первый раз, а собственными пальцами.

Итак, способ кодирования найден, узел найден, способ воздействия на него тоже найден. Я предусмотрел все, в том числе и специальный стимулятор, повышающий чувствительность нервных окончаний.

В древности, я думаю, знавшие секрет обходились без подобных ухищрений. Что-нибудь вроде йоги, долгий путь совершенствования, в результате которого человек обретает контроль над своим организмом, включая мозг – в том числе и над трансформационным узлом. Не знаю, как они добивались нужного результата, но знание это, без сомнения,

зародилось на Востоке, а потом уже начало просачиваться в Европу, да так до конца и не просочилось. Во всяком случае, на Востоке легенд об оборотнях куда больше, да и сейчас, я думаю, там сохранились люди, знающие секрет превращений.

Но я отвлекся, — он взглянул на часы. — Осталось полчаса, а я не рассказал и половины.

Итак, все было готово, но оставалась последняя проблема — как потом снова стать самим собой? Я долго думал над ней, но так ничего и не придумав, решил положиться на русский "авось" — как-нибудь выкручусь. Имелась у меня одна мысль, и, как позже оказалось, я был абсолютно прав. Трансформированное состояние для человека, как системы, должно являться энергетически невыгодным, и при достаточном постороннем воздействии человек должен самопроизвольно возвращаться в исходное состояние. То есть, вновь обретать человеческий облик. Я надеялся, что для этого будет достаточно новой порции нейростимулятора.

Из всех зверей я остановился на тигре. Почему? Сам не знаю. Тиграм я всегда симпатизировал. Сходил в зоопарк, выбрал там понравившегося мне тигра помоложе и снял с него копию. Как? Очень просто. Под вечер, когда у клеток никого не было, я стрельнул в него иглой со снотворным из духовой трубки, какой до сих пор пользуются южноамериканские индейцы. Снотворное это действует почти мгновенно, и тигр свалился у самой решетки. А я быстро перелез

через барьер, вытащил шприц и взял пару кубиков крови на генетический анализ. Это для меня дело привычное. Ну а потом закодировал полученную информацию и ввел ее в свой трансформационный узел. Я понятно объясняю?

– Ну... более или менее.

– Осталось двадцать минут. Ну ладно, постараюсь покороче. Вы представляете мое волнение, когда я впервые лег на "прокрустово ложе" с электродами, проглотил стимулятор, подождал, пока он подействует, и протянул палец к кнопке? То самое, что называется "и хочется, и колется". Но хотелось все-таки больше. И я нажал кнопку.

А вот этого вы представить себе не можете! Это надо почувствовать. Ощущение свободы, какой-то воздушной легкости, слияния со всем миром – нет, такое невозможно передать словами! Ради одного этого ощущения можно было навсегда остаться тигром, если бы эксперимент не удался.

Ощущение это длилось лишь какое-то мгновение, но я сумел растянуть его до... Нет, не могу подобрать слов. Нет таких слов в человеческих языках. А потом я почувствовал, что все стало, как обычно. Ну, думаю, – не сработало. Уже хотел встать, и тут взглянул в зеркало. А оттуда на меня смотрит тигр. Натуральный. Уссурийский. Совсем как тот, с которого я снимал копию. Получилось!!!

Пошевелил лапами – шевелятся. Хвостом – тоже. Меня никто не учил, как пользоваться хвостом – как-то само собой вышло.

И целая гамма новых ощущений. Звуки, запахи! Правда, цвета несколько тусклее, но к этому быстро привыкаешь. Я был на седьмом небе от счастья. Целый час носился по комнате, привыкал к новому телу. И на первых порах довольно неумело, потому что в конце концов в дверь стали звонить соседи. Была у меня мысль их попугать, но дверь лапами открыть не смог. В общем, ушли они. Я тогда к стимулятору. На всякий случай двойную дозу проглотил. Несколько секунд прошло, и вдруг – как толчок какой-то. Все вокруг поплыло, комната перед глазами кружится... Потом пришел в себя, глядь в зеркало – а это уже снова я. Стою, в чем мать родила, на четвереньках, глаза квадратные, и в зеркало смотрю.

Ну и пошло. Пристрастился я к этому делу, как к наркотику. Каждый вечер на несколько часов становился тигром. Был у меня большой соблазн в таком виде на улицу хоть на минуту выскочить – озорство играло – но все же не выскочил. Вдруг кого-нибудь инфаркт хватит, думаю.

Ну, недели через две я немного успокоился, написал, как полагается, заявку на изобретение и отправил в Госкомитет...

– Подождите! Извините, что перебиваю, – эта мысль только сейчас пришла мне в голову, – но тут у вас неувязочка получается. А закон сохранения массы? Вы ведь сколько весите? Килограммов семьдесят... ну, восемьдесят. А тигр – двести.

— До трехсот, — он посмотрел на меня, как на школьника. — И все почему-то забывают, что нет закона сохранения массы, а есть закон сохранения массы-энергии.

Я прикусил язык.

— Так вот, послал я заявку в Госкомитет, и тут-то начались неприятности. На заявку мне не ответили. Я послал вторую. После нее в деканат пришла бумага, в которой администрацию просили прекратить неуместные шутки с моей стороны. С меня сняли стипендию и вклеили выговор. Но я не сдавался. Я понял, что словами здесь ничего не докажешь. Надо было продемонстрировать все на деле. И я продемонстрировал. После чего меня выгнали из института "за хулиганство с использованием гипноза". Видели бы вы лица этих "экспертов", когда я у них на глазах превратился в тигра! Как они лезли на деревья, как удирали в разные стороны! А потом все свалили на гипноз, а меня выгнали.

Вот тогда я действительно озверел. Уже собирался предпринять очередную трансформацию и заявиться в таком виде в институт, но потом махнул рукой. Мне вдруг стало все равно. Не хотите — не надо. А я буду жить в свое удовольствие. И не человеком, а тигром — как мне хочется.

И я уехал на Дальний Восток. Вышел на каком-то забытом богом полустанке, вроде этого, один, без вещей, с одной только коробкой стимулятора. И пошел в тайгу. Для верности шел двое суток, хотел забраться подальше. Потом разделся, закопал одежду, "настроился" и нажал на нужные точ-

ки.

Он немного помолчал.

– Вначале было очень трудно. Я попросту не умел охотиться. Не умел отслеживать добычу, бесшумно подкрадываться, часами лежать в засаде – пока всему этому научился, чуть не умер с голоду. Но все же не умер. И научился. И чем дальше, тем легче мне становилось, тем свободнее дышалось в лесу. Лес принял меня, я чувствовал себя здесь своим. У меня появилась настоящая тигриная походка, движения стали мягкими, упругими, я научился зря не тратить силы, а в нужный момент выкладываться в стремительном броске. Это приходило постепенно, само собой. Я открывал все новые возможности своего тела, и мне все больше нравилась моя жизнь.

А потом я встретил ее.

– Кого – ее?

– Кого? Ну, ее. Тигрицу. У тигров нет имен, но для себя я называл ее Грацией. Да, она и была сама грация. Куда мне до нее! Мы были счастливы. Ведь тигры – кто сказал, что у зверей нет разума? – он у них есть! У тигров, по крайней мере. Не смотрите на меня, как на психа. Я знаю, что говорю. Они не глупее нас. Да, они не делают орудий труда и не изменяют природу – но им это и не нужно. Они сами – часть природы. Разумная часть. У них есть свой язык – очень простой, я выучил его за месяц. Но мы с ней им почти не пользовались – нам он был не нужен. Мы и так понимали друг

друга. Да, мы были счастливы. Я никогда не был так счастлив до того, и никогда уже не буду после.

Но это длились недолго – всего полгода.

Он вздохнул и снова замолчал.

– В то утро мы охотились порознь. Я как раз подбирался к косуле, когда услышал выстрел. И сразу почувствовал – что-то случилось с Грацией. Не знаю как, но почувствовал. И бросился на звук. Я несея, не разбирая дороги, но опоздал. Видел, как по проселку проехала машина, и заметил за стеклом лицо человека. Сытое, самодовольное. Оно до сих пор у меня перед глазами.

Мой собеседник порылся в карманах, достал листок бумаги и молча протянул его мне. Я посмотрел на листок. Обрюзгшее лицо человека лет пятидесяти, с глубоко посаженными маленькими глазками и обвислыми "бульдозными" щеками. Весь рисунок был истыкан ножом. Я представил себе, как незнакомец, привесив картинку к стене, остервенело и метко бросал в нее большой охотничий нож, и каждый раз лезвие с тупым звуком глубоко вонзалось в стену.

На рисунке было лицо Ляшенко.

Я поднял взгляд.

Незнакомец спрятал листок обратно в карман и с усилием произнес:

– Вот и все. Почти все. Грации я не нашел, но обнаружил следы крови. Вот когда я узнал: и тигры могут плакать... На следующий день я отправился к тому месту, где зарыл одеж-

ду и стимулятор. Месть. Единственное, что мне оставалось.

Я поступил работать на прииски. За год заработал достаточно, чтобы начать розыск. Дважды этот гад уходил от меня, но теперь не уйдет. Осталось десять минут.

Он помолчал.

– Теперь вы понимаете, почему я не люблю людей? Они отняли у меня все. Но я бы все простил, если б не Грация, – он застонал, стиснув зубы, и отвернулся. По-моему, он плакал.

Да, переубеждать его бессмысленно. Да и стоит ли? Но я обязан попытаться. Ляшенко, конечно, тип еще тот – но мы обязаны его защитить. И будет лучше, если дело обойдется без эксцессов.

Наши сведения частично подтверждали рассказ незнакомца. Два года назад Ляшенко действительно привлекался к суду по делу о браконьерстве, но каким-то образом выкрутился. А недавно обратился к нам с просьбой защитить его жизнь. Он был напуган до икоты. Якобы, на него уже дважды покушались. Но ничего подобного мы и предположить не могли! Если только рассказ моего собеседника – правда...

– И не пытайтесь меня переубедить, – он словно читал мысли. – Или, тем более, задержать. Пистолет вам не поможет.

Он меня раскусил! С самого начала. Молодец! Но задержать его все же придется.

– Если вы обещаете не покушаться на жизнь Ляшенко,

я не стану вас задерживать. С Ляшенко разберется закон. Я понимаю ваши чувства, но никто не имеет права... – ах, черт, слова не те, казенные какие-то... Осталось пять минут.

– Ни черта вы не понимаете! Не были вы в моей шкуре! – он уже кричал. – А Ляшенко я все равно убью!

– Ну что ж, тогда пройдемте со мной, – нас разделяет стол. Так, спокойно. Сейчас шаг назад, и достаю пистолет. Если что – стрелять по ногам.

– Послушайте, не дурите. Вы мне ничего плохого не сделали, но если вы попытаетесь мне помешать...

Я делаю шаг назад. Рука уже нащупывает рубчатую рукоять "Макарова".

Этого я предусмотреть не мог. На меня через стол метнулось что-то темное, бесформенное. Из глаз брызнули искры, и вокруг сомнулась тьма.

...Очнулся я почти сразу. Лежал на полу, сжимая в руке пистолет (успел все-таки вытащить). Незнакомца в буфете не было, а за окном грохотал поезд. Сильно болела голова и шея. По-моему, он ударил меня рукой, но ощущение было – что двухпудовой гирей.

В этом поезде едет Ляшенко!

Мысль обожгла меня и, как пружина, подбросила с пола. Поезд шел медленно, и когда я выскочил на перрон, то успел заметить, как захлопнулась одна из вагонных дверей. Он уже внутри!

Ноги слушались плохо, но я заставил их двигаться. Порав-

нялся с дверью, подпрыгнул, уцепился за поручень. Дверь поддалась и открылась – этого он все-таки не учел. Кстати, в поезде у него должен быть сообщник. Это я отметил мимоходом, вкатываясь в тамбур.

На ходу снимая "Макаров" с предохранителя, толкнул дверь. У самой двери в коридоре лежал Миша Беликов. Он был без сознания – видимо, получил такой же удар, как и я.

В каком купе едет Ляшенко?

Я подхватил Мишу под руки, усадил на откидное сиденье и встряхнул. Миша застонал и открыл глаза.

– А, Николай, – вяло сказал он и снова обмяк.

Я яростно захлестал его по щекам – надо было срочно привести его в чувство. Через несколько секунд Миша снова открыл глаза. На этот раз взгляд его был уже осмысленным.

– Где Ляшенко?!

– Четвертое купе.

Миша попытался подняться, но не смог.

– Достань пистолет и сиди здесь. Если он выскочит – стреляй по ногам, – я уже бежал по проходу.

– Там Сергей, – слабо крикнул мне вдогонку Миша.

Это не меняло дела. Сергей сейчас, скорее всего, находился в том же состоянии, что и Миша две минуты назад.

Вот и четвертое купе. За дверью раздается пронзительный крик. Так может кричать только человек, увидевший свою смерть. Успеть! Рывком отбрасываю в сторону дверь.

– Стоять! Руки за голову!

Но что это?! На меня бросается что-то черно-рыже-полосатое. Прямо перед собой я вижу усатую морду и оскаленные клыки. Тигр! Палец сам жмет на спуск. В то же мгновение меня сбивает с ног. Я стреляю еще и еще раз. Оскаленная морда плывет перед глазами. Кажется, это конец. Но нет, он почему-то медлит. Я с усилием поднимаюсь, держась за дверь. На полу в луже крови лежит незнакомец. Он совершенно голый и смотрит мне в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.